

ВАДИМ ЗАГОРЕНКО

МОСКОВСКОЕ СУКНО

18+

Вадим Загоренко

Московское сукно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67107249

SelfPub; 2024

Аннотация

Москва, 1784 год. Марк – амбициозный мошенник, который продает краденные вещи под видом европейских редкостей. Его дела идут хорошо, но он хочет большего. Однажды подозрительный дворянин предлагает ему обокрасть других воров и быстро разбогатеть. Василий – член воровской артели. Он начинает уставать от разбоя. Усыновивший его глава банды готовится уйти на покой и поручает ему «зачистить хвосты». Вскоре они оба окажутся втянуты в интриги, которые перевернут преступный мир Москвы. Им придется бороться не только за богатство, но и за свою свободу.

Содержание

Ревизоры	4
Раскопки	12
Приглашения	21
Ярмарка	38
Предложение на балконе	55
Черная работа	68
Лечат и калечат	80
Под мостом	90
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Вадим Загоренко

Московское сукно

Ревизоры

Когда их ловят за чем-то нехорошим, большинство людей вдруг становятся глупыми. Застывают в неловких позах с испуганными или стыдливymi гримасами, растерянно мычат и вообще выглядят как круглые дураки.

Марк же сумел воспитать в себе другую реакцию. Поэтому, неожиданно наткнувшись на складского сторожа, он не замер, а выпятил грудь и рявкнул:

– Ну наконец, хоть кого-то нашел! Что у вас здесь происходит?!

Сторож был невысоким мужчиной средних лет с приплюснутым носом. Судя по сжатым кулакам и нахмуренным бровям, он уже собирался хватать чужака. Но командный голос его смутил.

– Ты кто такой?

– Вот наглец! – Марк надулся еще больше и возмущенно топнул ногой. – Я ревизор коммерц-коллегии, инспектировать пришел! И очень недоволен вашими порядками!

– Чего, кто?

– Проверять склад меня отправили, дубина! Вот, смотри.

Марк вытянул из кармана бумагу и помахал ей перед лицом растерянного сторожа. Тот взял документ, изучил его вдумчивым взглядом абсолютно безграмотного человека и хмыкнул.

– Так, ага, – протянул он, почесывая затылок. – А залез ты сюда как?

– Во-первых, «залазят» куда-то только дети и воры. Во-вторых, я через черный ход зашел.

– Так он же заперт, я сам закрывал!

– Плохо закрывал, значит, – дверь нараспашку!

– Странно... А бутылки зачем взял?

Небольшой ящик с шестью бутылками фламандского в руках Марка действительно несколько не вязался с созданной историей. Но изобретательность и уверенность его и не из таких затруднений вытаскивали.

– Так я и вино пришел проверять! Думаешь, меня только на склад отправили? – Марк покачал головой и угрожающе поцокал языком. – Товар-то у вас дурной. Отрава практически.

– Как так?

– А сам по бутылкам не заметил? Хотя куда тебе. Неправильные они все, поддельные – я такое сразу вижу. – Марк начал хаотично тыкать пальцем в разные стороны: – Склад в ужасном состоянии! Товар раскидан непонятно как, стены все мокрые, освещения никакого! Циркуляры нарушаете, нормы хранения не поддерживаете – как так можно?! Всех

полиции отдам!

Несколько секунд собеседники напряженно смотрели друг на друга. Старые доски на крыше склада тихо поскрипывали, снаружи был слышен ветер и шелест листьев. В конце концов блеф сработал: сторож ругнулся и махнул рукой.

– Понятно. Значит, меня обратно в острог поведете? – грустно спросил он.

– Что значит «обратно»?

– Так я только месяц назад вышел. Знал ведь, что хозяин ушлый, еще и немец! Господин ревизер, не сажайте меня, а? Пожалуйста, я ведь только сторожил...

Марк задумался. По-хорошему, ему нужно было бы забрать добычу и быстро уходить. Он и так сильно рисковал, забравшись на склад второпях, без подготовки. Но когда он начинал играть с азартом, остановиться ему было сложно.

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Бориска, Терентьев я.

– Борис, значит. Честно тебе скажу – попал ты. За такие дела можно и штраф, и в тюрьму, а может, и сразу в Сибирь. Хозяин сейчас не здесь?

– Нет, со вчера его не видел.

Марк сдержал ухмылку. Он-то знал, что хозяин склада сейчас отсыпается после очень бурной ночи в корчме.

– Ладно, его тоже найдем и накажем. Но мне кажется, что ты мужик хороший. Правильно же?

– Ну как... – Бориска замялся. – В церковь хожу, не пью

уже. Почти. Недавно мальчонка потерялся на улице – я его до семьи довел, он там...

– Вот, я же говорю! – Марк нетерпеливо перебил исповедь. – Поэтому тебя в беду втягивать я не хочу. Так что давай ты мне сейчас поможешь, а я тебя отпущу и никому про твою глупость не скажу. Хорошо?

– Конечно, я всегда готовый! А чем помочь надо?

– Молодец. Где тут остальное вино лежит?

Через несколько минут вор и сторож вышли на улицу. Марк шел впереди, прихватив два больших ящика. Бориска шел следом с еще четырьмя. Над Москвой медленно поднималось солнце, было тепло. Ранним утром склады Старого Двора выглядели пустыми, почти заброшенными.

– Далеко нести? – спросил Бориска.

– Тут близко, – ответил уже уставший Марк. – К реке давай. Меня там коллега ждет.

– Вы на лодке приплыли?

– А как еще склады проверяют, по-твоему?

Он знал, что после торжеств охраны будет намного меньше, а уж на реку никто смотреть не станет. Только поэтому он решился на довольно дерзкую идею обнести большого негоцианта Михеншторна, который громко хвастался богатой поставкой в сомнительном заведении. Даже с отягчающими обстоятельствами в лице Бориски дело проходило довольно удачно.

Вскоре они донесли груз до спуска к реке. Там их ждали

лодка и Андрей Корча. Он был вором опытным, с тридцатилетним стажем. А еще он был очень дерганым и недоверчивым. Заметив Бориску, он сразу потянулся к спрятанному в сапоге пистолету.

– Андрей Иванович! – торопливо крикнул Марк. – Идите сюда, помогите мне погрузить улики. У нас помощник нашелся.

Корча подозрительно прищурился, заворчал, но оставил оружие на месте. Вино было быстро погружено в лодку, подельники уже готовились отплывать. Тогда Марк услышал пронзительный свист позади.

– Стой! Кто такие?!

Быстрым и уверенным шагом к ним приближались трое солдат, которые уже стягивали ружья с плеч. Судя по выглаженной и чистой форме, гуляния они пропустили. Следовательно, они были трезвыми и, скорее всего, не слишком дружелюбными.

– А, это защитник наш, у них тут рота иногда караул несет, – объяснил Бориска и крикнул солдату: – Это ревизеры государственные, они отраву увозят!

Корча снова потянулся к пистолету. Марк оскалился и шикнул на подельника. И почему воры-старики все такие бешеные? Сделав глубокий вдох, он повернулся к солдатам и напыжился:

– Бойцы, вольно! Коллежское дело, не мешайте!

– Меня никто не предупреждал. Это из какой же вы кол-

легии? – спросил стоявший впереди боец, судя по всему сержант.

– Из какой надо. Склады пришли проверять, по последнему циркуляру: положение их, освещенность, безопасность, все дела. У купца Михеншторна нашли нарушения и просроченное вино, теперь конфискуем. За бдительность хвалю, молодцы. Но тут все в порядке, идите куда шли.

Сержант и бровью не повел. Умен не по должности.

– Документы покажите.

– Служивый, ну не лезь ты...

– Документы, или пойдем на допрос, – подчеркивая серьезность сказанного, другой солдат положил руку на курок.

Марк недовольно цокнул языком, но все же сдался и отдал бумагу. Наглость выигрывает в половине случаев. Иногда третьей работает осторожность. В остальном помогает только удача. Сержант пробежался по бумаге глазами, еле заметно шевеля губами.

– Это купчая на лавку, – ровным голосом заявил он. – Еще и поддельная и с ошибками написанная. Стойте здесь, не двигайтесь.

Корча сплюнул, неразборчиво ругнулся и выдернул пистолет. Над складами разнеслось эхо выстрела.

Сержант дернулся в сторону, и очень вовремя: пуля прошла совсем рядом с его плечом, даже сорвала кусок погона. Бориска вскрикнул и испуганно отшатнулся. На секунду все как будто застыло, стало вязким и холодным. А потом все

ускорились и нагрелось.

Драться Марк не любил. Проблемные ситуации он предпочитал решать словами, ну или хотя бы угрожая пистолетами. Но в юности он научился неплохо сражаться по-простому. Особенно хорошо ему удавалось орудовать простыми инструментами вроде цепа. Воры нежно называли такие орудия «гостинцами».

Его-то и пришлось пустить в ход.

Первый удар пришелся по носу солдата, стоявшего слева. Тот пошатнулся и будто обиженно посмотрел на Марка. Еще один удар в челюсть повалил его на землю.

Стоявший справа боец вскинул ружье и, не прицеливаясь, выстрелил в Корчу. Не попал. Старик тем временем уже молотил сержанта рукоятью пистолета. Тот пытался вытащить саблю, но был вынужден заслоняться и отступать назад под градом ударов.

Марк прыгнул к стрелку и еле увернулся от взмаха штыком. Острие проткнуло и вспорол фалду камзола. После нескольких секунд напряженной борьбы Марк метко пнул солдата в колено. Тот согнулся, открывая голову и спину. Три быстрых удара довершили дело.

Корча наконец пробился через защиту сержанта, схватил его за голову и ударил об стену ближайшего склада. Офицер пошатнулся и начал сползать на землю. Бориска с ужасом смотрел на драку и наконец выдавил:

– Барин! Ты чего... Вы зачем это все?!

– Извини, Бориска, – ответил Марк, восстанавливая дыхание. – Ты бы шел лучше... А то тебя тоже ловить будут. Андрей, да оставь его уже, пошли!

Корча недовольно рыкнул и напоследок пнул сержанта. Воры побежали к берегу и вытолкнули лодку на воду. Гребли они виртуозно, энергично. Вскоре склады скрылись в утреннем тумане.

Успокоившись, Марк любовно погладил ящики с вином. Улов был очень хороший: дорогой, сбыть несложно. Всегда бы так.

Вор был приятно удивлен. «Надо же, в какие просвещенные времена живем, – подумал он. – Уже обычные сержанты читать умеют. Только драться подразучились».

Раскопки

Туманным утром здание Тополиновской управы выглядело особенно печальным. Двухэтажный дом стоял на окраине деревни, рядом с полем и вечно сырыми канавами. На улицу выходили два маленьких закопченных окна, белая краска на стенах облупилась. Дымоход покосился и угрожающе нависал над засоренным двором, у забора валялось пустое ведро.

Ничто так не выражало положение провинциальных властей в России так ясно, как состояние местных государственных ведомств.

Василий подошел к входу и поморщился. Даже находиться близко с этим недоразумением было противно, не то что заходить внутрь. Преодолев отвращение, он пару раз пнул массивную дверь сапогом.

– Кого несет?! – раздался приглушенный голос с другой стороны.

– Я за татаринoм пришел.

Дверь открыл приземистый парень с бледной кожей и лоснящимися волосами, замотанный в шерстяной шарф. Ворovато оглядевшись по сторонам, он с подозрением посмотрел на гостя:

– Деньги принес?

– Да, десятку. – Василий вытащил из кармана маленький кошель.

– Ага, хорошо. Давай сюда...

– Сначала товар, потом оплата.

Служащий хмыкнул и пожал плечами. Заперев дверь управы, он поманил Василия за собой в сторону пристройки. Под ногами чавкала мокрая земля, где-то вдалеке раздались ленивые крики пастухов.

Защита порядка в селе Тополиново развивалась медленно. Ближайшая тюрьма располагалась в центре губернии. Пару лет назад велись разговоры о строительстве небольшого острога в самом селе, но потом губернатор испугался неподконтрольных хищений и не выделил деньги. Поэтому до суда подозреваемых преступников наказывали по старинке – запирали в погребе.

Бледный служащий подошел к дверцам, поворчав, нашел в кармане нужный ключ. После натужной возни ржавый замок все же поддался, и двери открылись. Из погреба потянуло сыростью.

– Вылезай, спаситель твой явился, – торжественно объявил служащий.

Анвара дважды просить не пришлось. Выйдя из темного угла, он проворно выбрался наружу и с широкой улыбкой потянулся.

– Чего-то ты долго, – сказал он Василию, не устаивая служащего взглядом.

– Извиняй, я не планировал тебя по всей округе искать. Только час назад узнал, что ты на людей случайных броса-

ешься.

– Этот гад женщине под юбку лез!

– Это его жена была...

– Так я же не знал, – татарин ухмыльнулся. – Да и она не очень рада была.

– Мы тут начальство ждать будем? – вмешался в разговор служащий. – Они дороже берут.

Василий со вздохом бросил ему кошель. Служащий схватил деньги на лету и отработанным жестом сунул в карман.

– Благодарствую. Идите теперь отсюда, – сказал он и зашел обратно к рабочему месту.

Подельники, впрочем, никуда не торопились. Анвар с радостью принял флягу с согревающим, а затем и трубку. Курили молча, наблюдая за коровами в поле.

Выглядели они совершенно по-разному. Татарин был жизнерадостным богатырем: высокий, смуглый, широкоплечий, с мускулистыми руками. Сидеть ночь в тесном подвале ему наверняка было неудобно. Но даже с мокрыми смольно-черными волосами и покрасневшим носом он выглядел довольным и продолжал улыбаться.

Василий же был долговязым и худощавым, с квадратным скуластым лицом. Его длинные русые волосы спадали на плечи, оттеняя голубые глаза.

Неожиданные траты Василия не радовали. Освобождение товарища обошлось ему в недельный бюджет их скромного предприятия. Чудовищно дорого для такой глуши, в Рязани

людей за три рубля выкупали. Но в полную силу злиться на татарина не получалось. Он был хорошим работником и хорошим другом.

Ну перебрал в последний день, кровь разыгралась. С кем не случается.

Добив трубку, они так же неторопливо пошли на выход. У калитки они заметили двух коней, скучавших под навесом в углу двора.

– Вась, у меня чего-то ноги болят, – задумчиво произнес Анвар. – Пешим совсем неохота. Нам же все равно лошади нужны, правильно?

– Есть такое...

На их счастье, животные оказались послушными, еще и седла лежали рядом. Выехали тихо – незачем государственных людей от дела отвлекать.

Забрав свои пожитки с постоялого двора, они направились на юг. Им оставалось закончить последнюю часть долгой недели. А потом – в Москву. Василий любил природу, но мерзнуть в лесах ему надоело. Следующий месяц он точно будет отдыхать в каких-нибудь приятных местах.

Схрон они устроили в паре верст от села, в небольшой роще. Место было неприятным: слева – болото, справа – заброшенное и заросшее сорняками поле. Комары, сыро, ветрено. Идеально для тайников.

– Давай, трудись, – сказал Василий, отдавая напарнику лопату.

– Чего это я вдруг?! – возмутился Анвар.

– Когда ты меня из острога вытащишь, я тебе хоть окоп вырою.

Татарин пробурчал что-то на своем языке, но все же принялся за работу. Влажная земля полетела во все стороны, отпугивая круживших вокруг мошек. Вскоре в роще появилось пять неглубоких ям. Из каждой было извлечено по мелодично звенящему мешку – результаты напряженной работы. Один лишь вид грел Василию душу. А от мысли про их продажу и вовсе хотелось петь.

Анвар погрузил мешки на лошадей, вытер пот со лба и устало облокотился о трухлявую сосну.

– Сколько здесь, как думаешь?

– Не знаю, но много, – мечтательно ответил Василий. – За малым бы не отправили.

– Ну да, ну да. Наш мудрый командир Резчик.

Василий нахмурился:

– Ты как будто чем-то недоволен.

– Да нет. Просто... Не знаю, странно это все. Может, я не понимаю чего?

– Чего тебе странно?

– Ну как. Работаем мы. Рисуем мы. А потом все отходит атаману, а нам только копейки остаются. Я не говорю, что он свою часть не заслуживает. Но не так много же!

Василий обеспокоенно закусил губу. Рано или поздно такие мысли возникали почти у каждого члена артели. Неко-

торые из них имели глупость озвучивать их в неподходящей компании и плохо кончали. Анвар ему нравился – его нужно было спасти от печальной участи.

– Все, ясно. Теперь слушай меня внимательно. Ты со скупщиками общаешься?

– Нет, но что там такого сложного...

– Много чего. Сначала нужно найти такого, кто не наступит в «избу». Потом не продешевить, но и не задирать слишком сильно. И это только начало – нужно еще добро перенести, деньги забрать и еще гора мороки сверху.

– Да понятно это все, но не за такие же деньги...

– А сыщиков отвадить сможешь? – Василий угрожающе навис над татаринном. – А других лихих отпугнуть?

– Чего ты меня стращаешь?! – Анвар вскочил на ноги, гордо выпячивая грудь. – Я свою справедливую долю хочу, больше ничего.

– Слушай, я все понимаю. Резчик не сахарный, берет много. Но без атамана мы бы и не узнали про все эти обозы. Сидели бы тут и обдирали попов да купчишек.

Анвар явно закипал: сжал кулаки, покраснел.

– Как ты был холопом, так и остался...

– Чего сказал?!

– Сколько ты под ним уже ходишь? Седьмой год? А самому думать страшно, да?

Василий не удержался и схватил наглеца за шиворот:

– Думай, что говоришь, падла!

– Ты же трусишь просто, ты же... – Татарин осекся и прищурился: – Слышишь?

Василий задержал дыхание, прислушался. Ничего не услышал, только жужжание насекомых и тихие крики птиц где-то далеко. Он был еще молодым, но уши уже никуда не годились.

А, нет, вот оно. Грохот копыт, крики. Со стороны деревни.

Подельники выбежали из рощи. К ним скакали трое. Они были в солдатских мундирах и демонстративно размахивали оружием.

– За нами? – кисло спросил Анвар.

– Ну а за кем еще.

Воры прыгнули на коней – Василий при этом умудрился больно удариться коленом об мешок. Потрясенное животное повернулось и посмотрело на наездника. Будто поняв его чувства, конь быстро сорвался с места и перешел на уверенный галоп.

Они выехали на дорогу и направились к видневшемуся на горизонте лесу. Хорошее место для побега, но до него было далеко. Преследователи тем временем приближались с пугающей скоростью.

– Стойте! Стрелять буду! – донесся сзади высокий, почти писклявый голос.

– Так давай, чего ждешь! – рявкнул Анвар в ответ.

Вызов был принят. Первые два выстрела ушли мимо. Третий попал в землю в полушаге от коня. Повезло, что за ни-

ми не казаков отправили – хотя бы перезарядиться на скаку не станут. Василий прищурился, смаргивая выбитые ветром слезы.

Спустя минуту лес все еще был далеко, а преследователи стали значительно ближе. Василий даже рассмотрел их лица – красные, обозленные. Знакомиться с ними совсем не хотелось. Анвар повернул своего коня ближе и крикнул:

– На счет «три» уходи вправо!

– Чего?! Зачем?!

Вместо ответа татарин бросил на дорогу что-то шипящее и искрящееся.

– Раз!

Сзади снова что-то кричали.

– Два!

Кони начинали хрипеть, пот и выбитые ветром слезы застилали глаза.

– Три!

С надеждой на лучшее Василий рванул сбрую и сжал ноги, уводя своего скакуна вправо.

Граната взорвалась аккуратно перед преследователями, подбрасывая в воздух землю и вырванные с корнем сорняки. Кони испуганно заржали, кто-то закричал. Когда дым рассеялся, люди лежали на земле, побитые и залитые кровью. Два коня скакали обратно в сторону деревни. Третий лежал на боку и жалобно бил ногами.

Подельники продолжали скачку и остановились, только

когда забрались в глубокую чашу. Переведя дыхание, Василий вытер взмокшее лицо и спросил осипшим голосом:

– Откуда у тебя это?

– Когда со службы сбежал прихватил. – Анвар хищно улыбнулся. – Знал же, что пригодится.

Василий закрыл глаза, пытаясь успокоиться. «Какие дикие времена настали, – подумал он. – Вору уже гранатами кидаются».

Приглашения

Через семь дней после складской работы Марк сидел за прилавком и подсчитывал плоды своих усердных трудов. На улице жаркий летний день постепенно превращался в теплый вечер. Москвичи неторопливо прогуливались, разносчики лениво расхваливали свои блины и булки, где-то вдалеке играла скрипка. Хорошо в Немецкой слободе. Не то что на выселках, где он раньше жил.

Неделя вышла неплохая. Фламандское разлетелось быстро, осталось только три бутылки. Купленные у заезжего из Рязани мастера «орлеанские» ткани хорошо шли по десять рублей за рулон.

А самое радостное – наконец нашелся покупатель на сабли, какой-то ветеран последней войны. Их пришлось немного подкрасить, чтобы они походили на «турецкую работу», но дело того стоило. За месяц выходило двести рублей чистой прибыли – хватит и на аренду, и на приятные вечера, и на новый камзол, который Марк уже давно приглядел в мастерской на Мясницкой.

Закончив пересчет, он сунул пять рублей в карман, остальное сложил в тайник под половой доской. Сладко потянувшись, он посмотрел на свое отражение в бронзовой вазе на прилавке. Выглядел он, конечно, все еще по-крестьянски. Квадратное тело, квадратное лицо, нос картош-

кой, непослушные русые волосы торчали во все стороны.

Но за последний год он как будто изменился – немного вытянулся, приобрел лоск. Возможно, занятие коммерцией действительно облагораживало. А может быть, все дело в бритье и хорошей одежде. Марк успел привыкнуть к атласным жилетам и дорогим рубашкам, даже подумывал о приобретении очков. Нужно же соответствовать роли.

Марк дыхнул на вазу и задумчиво протер ее рукавом. Да, дела у него шли неплохо. Но как-то скучновато. Воровство уже не вызывало былого азарта, вылазки сливались в одну нервную рутину. Мелкие продажи тоже не радовали. Хотелось чего-то большего, чего-то увлекательного, яркого.

Вот бы такая возможность на голову свалилась. Да и почему бы ей и не свалиться? Жизнь у него не самая обычная.

Он уже собирался закрываться на перерыв, когда в магазин вошла молодая пара. Стройная девушка с тонким носом была одета в ярко-голубое платье, каштановые волосы прикрывала пышная бархатная шляпка. Она кивнула продавцу и подошла к витрине с перчатками и платками. Ее сопровождающий – высокий мужчина лет тридцати в синем камзоле – отстраненно рассматривал стены.

Их одежда, обувь, запах духов, даже походка – все говорило о знатности. Дворяне в лавку заходили, но обычно они были из бедной части. Ради таких блистательных посетителей можно и задержаться.

– Здравствуйте, господин, *bonjour, mademoiselle*¹, – пропел Марк, настраиваясь на французский акцент. – Могу ли я чем-то услужить?

– Даже не знаю, – девушка улыбнулась. – Мсье Жефро, да?

– Вам можно просто Жан.

– А что у вас тут есть?

– Лучшие товары из Европы, для любых благородных пожеланий. *Vetements*, оружие, вина, украшения. Также имеем богатства Востока, турецкие, персидские. Даже из *Afrique* вещи есть, если пожелаете! Пробовали когда-нибудь пудру из бивня носорога?

– Нет, а что в ней особого?

– Кожа от нее сияет, к вашим яркими глазам замечательно подойдет! – Марк заговорщически подмигнул. – Скажу по секрету – супруга нашего губернатора именно такой пользуется!

– Правда? У вас покупает?

– Разумеется, больше в Москве ни у кого такого нет! Хотите, сейчас принесу?

– Может, позже. Я украшения ищу, матушке в подарок – есть что-нибудь подобное?

– Драгоценных украшений сейчас *pas beaucoup*, к сожалению, почти все разобрали. Но есть прекрасные серьги из бургундского золота...

– Бургундия, носороги – богато это все. Как же вы такие

---

¹ Здравствуйте, госпожа (*фр.*).

ценности достаете? – флегматично поинтересовался юноша.

– Во время моих долгих путешествий я познакомился со многими негоциантами... – Марк мог повторять эту речь даже во сне, так часто он ее произносил. – Теперь мы постав- ляем друг другу редкие вещи. Я им – русское, а они мне – иностранное...

– То есть здесь все куплено в честной торговле у настоя- щих купцов?

– Разумеется, *monsieur*.

– И все правда произведено в других странах?

– Конечно! Господин, я вижу, что вы рассматриваете сапо- ги. У вас разборчивый глаз! Это португальская работа, про- изведение знаменитого мастера Химена Лоскегварда...

– Да, сапоги хороши. Я очень похожую пару видел у друга – ему их в Подмосковье сделали.

Марк раздраженно прикусил язык. Этот франт знаток са- пог, что ли?

– Может быть, они похожи, но уверяю вас, в лучшем слу- чае вы видели умелую подделку. Работы синьора Лоскегвар- да к нам попадают очень редко, это одна из немногих...

– Тема, ну что ты к человеку пристал? – Девушка нахму- рилась. – Видно же, он обычный честный купец.

– Это так? Вы обычный и честный? – Франт будто разо- чарованно вздохнул. – Мы слышали другое.

– Что же и от кого вы слышали?

– Нам о вас рассказал доктор Кляйн. Рекомендовал как

очень необычного и сообразительного человека, у которого есть самые разные товары. Даже самые редкие.

Лицо у франта было красивое, но удивительно невыразительное, почти неподвижное. На нем совершенно не читались эмоции. Марку это не нравилось. Какой-то новый метод у московской полиции? Или его выследили хозяева похищенного добра?

– Господа, уверяю вас, что я честный и законопослушный предприниматель. В то же время могу с уверенностью сказать, что достану для вас все, что пожелаете, – сдержанно ответил Марк. – Только назовите ваш каприз.

Гости пристально смотрели на купца-вора. Затем девушка звонко засмеялась:

– А он хорош, ой как хорош! Не колетса, но и не упускает нас. Тема, давай его позовем?

– Думаешь, стоит?

– Определенно стоит. Мсье Жан, а приходите к нам завтра на обед.

– На обед, госпожа? – оторопело переспросил Марк.

– Да, у нас небольшое благородное собрание, в очень приятной компании. Мы будем очень рады, если вы добавите заграничной культуры в ассамблею. Придете?

– Но мы ведь с вами даже не знакомы...

– Ах да, простите, я что-то о приличиях и забыла. Меня Дарья зовут, а этот мрачный стойк – Тимофей.

– Дарья... То есть госпожа, право, я польщен... – Марк

был абсолютно растерян. Глубокие гипнотизирующие глаза девушки делу не помогали. – Но я, vraiment, не уверен, что смогу. У меня еще и коммерческие дела вечером...

– Не переживайте, мсье, – девушка подмигнула. – У нас на ужине тоже можно найти массу дел. Куда более прибыльных, чем ваши обычные приключения. Доктор Кляйн тоже будет. Будем ждать вас к полудню на Остоженке, там большой розовый дом – не пропустите. Если что, спросите про дом Фонтерновых, это наша фамилия. Очень ждем!

Дарья сделала символический книксен и направилась на улицу. Тимофей невыразительно кивнул, развернулся на каблуках и последовал за девушкой. Марк остался один, смущенный и немного раздраженный.

Что за номера такие? Если они не знают, чем он занимается, то откуда такие вопросы? А если знают – то почему пригласили вора на благородный ужин?

И что им такое Кляйн наговорил? Вечно этот немец что-то да придумает. Нужно разобраться.

Марк накинул плащ и вышел на улицу. Воздух пах сладко, далекой скрипке подпевали птицы. Вывеска магазина поблескивала в лучах солнца. На медной табличке филигранными буквами было написано: «Лавка мсье Жана Жефро, французского негоцианта. Заграничные одежды, вина, инструменты и прочая».

Вскоре Марк добрался до Якиманки. Район он не любил – улицы там были слишком узкие, еще и под наклоном. Дома

стояли простоватые, люди жили скучные, еще и штаб полиции был неподалеку. Внимания заслуживал только храм Николая Чудотворца, который Марку нравился с детства. Здание яркое, стройное, богатое. Именно так место веры и должно выглядеть. Полюбовавшись на купола и маковки, он направился в доходный дом напротив.

В отличие от многих московских врачей, доктор Дитрих Кляйн не только часто принимал простой народ, но и многим помогал бесплатно. Делал он это не только из альтруизма – благодарные пациенты несли ему еду, одежду и прочие подарки. Чтобы потом тоже хорошо лечил.

Протолкавшись через очередь в коридоре, Марк зашел в докторскую квартиру. Внутри было неестественно чисто, не было даже следа пыли. У окна стоял мужик с опухшим носом, нервно мявший в руках шляпу. Сам Кляйн сидел за столом и вещал с видом уставшего отца, отчитывающего нерадивого ребенка. Образ усиливали пышные усы и бакенбарды, оттеняющие бледное лицо немца.

– Пей побольше, только не спиртного, лучше теплое. И бога ради, проветривай у себя. В дурном воздухе здоровья нет!

– Понял, спасибо большое, Дитрих Гунтерович, – мужик смущенно улыбнулся и вытащил из кармана сверток. – Аня моя вот вам приготовила пирожки, попотчуйтесь.

– Ага, спасибо. Иди, и скажи там, что сегодня больше не принимаю, пусть завтра заходят.

Мужик неуклюже поклонился и вышел. Кляйн устало помахал рукой и с кислой миной повертел в руках сверток с пирожками.

– Еда тут вкусная, вся, – тоскливо заявил доктор. – Но в меня уже не лезет. А они все несут и несут.

– Так ты бродягам раздавай, – ответил Марк, устраиваясь на стуле.

– Они ведь потом не отстанут, будут ломиться, попрошайничать. Ладно, через силу в себя запихну, хоть и нельзя так... Ты чего здесь?

– Знаешь, удивительное дело случилось. Ко мне тут гости пришли со всякими странными вопросами. Девушка и парень, Фонтерновыми назвались. И говорят, что ты им про меня рассказал.

– А, значит, уже добрались до тебя. – Кляйн ухмыльнулся. – Странные они, да?

– Есть такое. Особенно намеки на мои темные дела удивляют. Чего ты им разболтал?

– Мохов, ты мне таким голосом не предъявляй. Они и про мои дела знают, как выяснилось. Заходили вчера, прямо сюда, не на дом вызывали. На головную боль пожаловались. Обследую их, а они как бы невзначай намекают. Мол, так сложно нынче правильных людей найти, специалистов нигде нет. Я спрашиваю: «Каких вам специалистов?» А парень на меня смотрит и говорит: «По извлечению ценных предметов». И смотрит так, будто все про меня знает.

– И тогда ты раскололся.

– Да я отпирался как мог, но они не велись. В конце концов говорят: «Есть работа для вас, хорошо оплачиваемая. Но нужен второй человек, талантливый». Ну я тебя и порекомендовал. И еще одного парня, тоже молодец. Там и познакомитесь.

Марк устало потер виски. Какая-то дурацкая получалась история. Только ведь Кляйн был совсем не дураком и обычно глупости не делал.

Судя по отзывам пациентов, лечил он отлично. Но он был никому не известным провинциалом, богатые пациенты у него появлялись редко. Поэтому врач подрабатывал воровством.

Лихие дела давались ему хорошо. Марк работал с ним несколько раз, каждое дело проходило гладко. Редкостно хороший подельник.

– Почему меня назвал?

– Потому что ты наименее тупой из всех моих знакомых воров. Во всяком случае, я так раньше думал, теперь сомневаться начинаю. Марк, чего ты выглядишь, будто тебя ножом пырнули? Такие приглашения на дорогах не валяются, нужно идти. Сам подумай, ну что там плохое может случиться?

– Не знаю, сдадут нас.

– Да конечно, – доктор закатил глаза. – Для этого они нас домой пригласили, полиция теперь только в особняках работает. Ну головой-то подумай! Мы наконец можем в люди

выйти, большими делами заняться. Не будь ослом!

– Но зачем мы им?

– А ты думаешь, что дворяне все ангелы безгрешные? Они тоже преступники, хуже нас с тобой. Нашего сукна епанча.

«Нашего сукна епанча». Так московские преступники называли тех, кто промышлял воровством. Заводских работяг, беглых крестьян, солдат, матросов и просто бродяг. Марк еще никогда не слышал, чтобы так говорили про дворян.

– Единственное отличие – работу они сами не делают, – продолжал Кляйн. – Давай, не трусь. Сходим, послушаем, если не понравятся – просто уйдем.

Марк вздохнул и поднял руки в знак капитуляции. Немец умел говорить убедительно, да и попал в точку. Мелкие аферы начинали утомлять и не всегда окупались. Марк давно думал, что пора бы ему переходить к делам покрупнее. Правда, он не думал, что все случится вот так.

Кляйн достал из свертка здоровый румяный кусок пирога, понюхал и поморщился. Задумчиво подергав усы, доктор крикнул и достал из-под стола бутылку с янтарной жидкостью:

– Давай тогда праздновать новые перспективы.

Бутылка настойки кончилась достаточно быстро и только разожгла в подельниках желание гулять. С новой легкостью и плавучестью в шагах они направились на север, к корчме «Оленьей».

Снаружи место выглядело посредственно: большая изба

из темных бревен с закопченными окнами. Интерьер был ненамного лучше: шесть массивных, грубо обтесанных столов, такие же табуреты и лавки и маленькая печь в углу. Кухню от общего зала отделяла грязная занавеска, из-за которой практически всегда доносилась ругань. Единственным украшением в зале была висевшая у входа голова оленя, которая и дала заведению имя.

В корчме собирался народ низких занятий: носильщики, строители, слуги. И конечно же, воры. В Москве было много преступников, но регулярно воровством занимались только пара сотен человек. Почти все друг друга знали, компании приятелей часто собирались вместе выпить. Как в большой дружной деревне.

Тем вечером почти все места были заняты. За одним столом сидел и Корча, сосредоточенно мусоливший карты. Марк и Кляйн пробрались к стоявшему за стойкой грузному лысому мужику.

– Вечер добрый, Ярослав Семеныч. Как у вас тут?

– Ой, какие гости приятные! – радостно пробасил корчмарь. – Очень счастлив видеть. Чего изволите?

Ярослава Коробчонкова – хозяина корчмы – завсегдатаи называли Моряком. Он любил рассказывать истории о своей жизни на флоте: как служил еще у графа Орлова, как рубил турок в Чесменской бухте, как чуть не утонул в шторм и о других приключениях. Звучали рассказы неправдоподобно, но вещал он интересно.

Как именно моряк стал владельцем корчмы, никто точно не знал. Так или иначе, очарование, сообразительность и редкие, но показательные случаи жестокости помогли ему быстро занять солидное положение московских преступников. Помимо разлива пива сомнительного качества, он занимался скупкой краденого и сбором наводок на места с жирным уловом.

Марк попросил светлое и сухари с луком, Кляйн – темное и сельдь.

– Сейчас сообразим. – Корчмарь гавкнул приказ пробежавшей мимо девушке-разносчице. – Маркуша, говорят, вы с Андреем солдат бивали на той неделе?

– Так, по мелочи.

– Ну вы храбрецы! Все гудели про это, ко мне давеча даже полицмейстеры заходили, интересовались. Но я молчок, никому ничего.

– Совсем никому, совсем ничего?

– Вообще никому и ничего. Они обиделись, дубинками мне грозили, я весь изволновался...

– Ну, я благодарен. – Марк поморщился и положил на стойку рубль. Моряк выпрашивал чаевые вежливо, но настойчиво. – Какие еще новости?

– Да вот народ рассорился, сидят дуются друг на друга.

– Кто рассорился?

– Все сразу. Вон, сам посмотри!

Марк обернулся и заметил, что лихие люди в корчме раз-

делились на две половины. Деление, кажется, произошло по географическим признакам: слева, под углом с иконами, сидели коренные московские воры, к которым относился Корча и еще пять человек. Справа, у окна, расположилась компания побольше – приезжие преступники из ближних городов и деревень. Обе группы тихо переговаривались и смотрели друг на друга с явной неприязнью.

– Что случилось-то? – спросил Кляйн.

– Да ерунда какая-то. Они уже несколько дней собачатся. – Корчмарь тяжело вздохнул. – Начали с того, что Сермяга якобы Мирослава обворовал. Потом стали говорить, что Мирослав с девчонкой Полушки блудил, а Полушка потом в морду Скорняку дал. А потом и Песковы братья разошлись, Пила взбесился... Ну и понеслось, теперь сидят вот, чуть не громить друг друга рвутся. Я уже не знаю, чего делать.

– А Иерей где?

– Пропал! Послал людей искать, думал, хоть он что-то делает. Никто найти не может!

У преступной Москвы не было строгой иерархии, но были авторитеты. Опытные старики, наводчики и скупщики, вроде Моряка. А самым уважаемым из всех лихих людей был Иерей – настоящий ветеран, который начал работать еще при царице Елизавете, вскоре после каиновских арестов. Последние несколько лет он был неофициальным судьей, к которому прислушивалась и молодежь, и другие старики. Если его не могли найти – дело действительно плохо.

Моряк вдруг просиял и радостно хлопнул себя по лбу:

– Ребята, мысль есть! Давайте вы заявите, что всем по чарке проставите? Платить не надо, я бесплатно разолью. Может, даже по две. А вы поболтаете с остальными, повеселите.

– Зачем? – озадаченно спросил Кляйн.

– Просто красивый жест, люди порадуются, разговорятся. Может, пьяные замирятся. Ну нельзя так все оставлять, они ведь ко мне приходиться перестанут. А то и драться полезут и разнесут здесь все.

– Даже не знаю. – Марк нерешительно пожал плечами. – Мы думали недолго посидеть и по домам...

– Да хватит телиться! И так еле заходите, всех друзей забыли! Вам что, жаль мне услугу сделать?!

Подельники переглянулись, молча обдумывая предложение. Первым сдался Марк:

– Ладно, открывай бочки.

Московские воры были людьми спорного качества. Профессия делала их подлыми, мелочными, недоверчивыми, а от спиртного многие становились буйными. Каждый был готов продать другого, и каждый об этом знал.

Но в редкие дни, когда они забывали о деньгах и постоянной угрозе тюрьмы, отдыхать с ними было одно удовольствие. Вечером 25 августа 1784 года случилось именно это.

Две бесплатные чарки на человека быстро сделали свое дело. Мирослава понесло рассказывать шутки. Какие-то из них даже были не слишком похабными. Сермяга оказался

в чувствительном настроении и полез обниматься со всеми присутствующими. Даже Корча достал ложки и начал выступать быстрые мелодии.

Веселье, как заведено у отчаянных людей, было ярким и долгим.

Проснулся Марк ближе к полудню, на удобном, теплом стого сена. Приподнявшись, он отметил, что лежит в углу небольшой конюшни. Голова болела, но не сильно, осуждающим взглядом его одарила только стоявшая рядом лошадь. Не худший исход.

Ощупав карманы, он с недовольством понял, что куда-то пропали его часы. Может, оставил в «Оленьей»? Отряхнувшись и умывшись водой из бадьи, вор-негоциант вышел наружу.

Вокруг жильцы Земляного города были заняты делами: таскали воду и дрова, громко, а местами и грубо спорили о ценах и хозяйстве, строили и ремонтировали дома. Из широко открытых окон пахло горячей едой и опилками. Сама улица была удивительно чистой: ни луж, ни мусора, ни конских яблок.

В последние годы город уверенно хорошел. Новые чиновники по большей части справлялись со своей работой, губернатор Чернышев энергично отстраивал вверенный ему город. Деревянные избы постепенно уступали место каменным домам, вместо грунта появились мощные дороги. Москвичи привыкали к хорошему быстро и уже забыли бунты две-

надцатилетней давности. В Белокаменной царил порядок.

Марк, впрочем, в этом порядке был лишней деталью. Люди вокруг него принадлежали к системе чинов и сословий, где у каждого было свое место. Каждому позволялась своя доля: кому-то побольше, кому-то поменьше. Но каждый подчинялся правилам, взамен получая безопасность.

Воры действовали наоборот. Нарушая закон, они отказывались от своего места в системе империи. Они переставали быть привязанными к сословию или месту проживания и принимали, что в любой день их могут арестовать или убить. В обмен они получали редкую вольницу и возможность в какой-то мере вершить свою судьбу.

Марка такой расклад вполне устраивал. В системах ему всегда было тесновато.

Оказалось, что ночью он ушел от корчмы не так уж далеко. Внутри было пусто, в углах лежали осколки стекла. Моряк озабоченно возился с задвинутой в угол скамьей.

– О, живой еще! Ты смотри – ножку разнесли вчера. Ну что за люди! Я их горилкой домашней угощаю, а они вот так...

– Зато какой вечер получился. Это, Ярослав, инвестиция в довольных гостей. Слушай, а ты часы мои не видел?

– Видел, лежат у меня. Ты же их в залог оставил. Уже расплачиваться пришел?

– За что расплачиваться?

– За долг, за что еще. – Моряк нахмурился. – Только не

говори мне, что ничего не помнишь.

– Так ведь... – Марк растерянно развел руками. – Какой долг?

– Карточный, Маркуша! Вы вчера карты достали, начали рубиться, меня затанули. Уж не знаю зачем, я-то шулер известный, еще и трезвый. Но ты сам настоял, а потом продул мне пятьдесят рублей.

– Сколько?!

Марк вдруг почувствовал слабость в коленях и сел на стол. Последним, что он помнил с вечера, был протягивающий ему бутылку Сермяга. Потом – темнота и тихий звон.

Моряк быстро мрачнел.

– Если сомневаешься, можешь у остальных спросить, они подтвердят.

– Вот же ты падла...

– Чего?! Сам падла! – Корчмарь покраснелся. – Играть сначала научись! Платить когда будешь?!

– Не сейчас, у меня с собой нет...

– Жду до послезавтра. – Моряк вытащил из-за пояса длинный нож и демонстративно повертел им. – Или сам в твою лавку зайду, слышишь меня?

Марк уже выходил из корчмы, потирая внезапно разболевшуюся голову и сокрушаясь о дороговизне дружбы с низами общества.

Ярмарка

– Когда-нибудь пробовал кумыс? – спросил Анвар.

– Молоко это скисшее? Нет, не доводилось. А что?

– Да вдруг вспомнил. Странно: в детстве страшно не любил, даже от запаха плохо становилось. А теперь почему-то захотелось...

Они были в пути уже пятый день, стараясь не задерживаться на главных трактах и не останавливаться лишний раз. После побега из деревни их не преследовали, но рисковать не хотелось.

Большая часть поездки прошла в молчании. Подельники оживились только на подъездах к Москве, когда даже на окольных дорогах стало тесновато. После месяца в деревне сама близость к городу заряжала энергией.

– А я ведь так и не спросил, – сказал Василий, – ты откуда родом? Из Казани?

– Почти. Из деревни неподалеку.

– А в армию сам пошел?

– Какое там, – Анвар усмехнулся. – Таскал из барской кладовой еду. Поймали, побили и отдали в рекруты.

– А чего не вернулся, когда сбежал?

– Не знаю, не захотел. По-честному работать уже как-то совсем глупо было. А лиховать там стало тяжелее – когда царица ваша истинную веру разрешила, в губернии все как-

то спокойнее стали.

– Понятно. Потом вернуться не хочешь?

– Не знаю, может, под старость, если доживу. Накоплю денег, куплю дом где-нибудь у Волги, рыбачить буду... – Татарин мечтательно посмотрел вдаль. – Начну какую-нибудь живность разводить.

Василий хмыкнул. Он никогда не испытывал особой любви к месту рождения, да и про тихую отставку не думал. В воровской среде вообще редко размышляли о спокойной жизни, которая предположительно должна настать когда-то «потом». Но иногда пофантазировать можно. Где бы он хотел остепениться в старости? В усталую голову упорно лез только один вариант: в бане.

Еще за версту до деревни воры услышали звуки ярмарки: веселые крики, музыку, смех, стук и звон. Вскоре из-за холма показались цветные палатки, прилавки и украшенные лентами столбы. Судя по всему, дело было в разгаре – как раз закончилось обеденное время, народ старался успеть все купить до вечера.

Василий уже давно не бывал на хорошей ярмарке – то год неурожайный, то болезнь, то дела. Поэтому при мысли о праздничных пряниках и колбасе его живот громко и протяжно заурчал. Анвар услышал этот крик о помощи и не стал упускать возможность:

– Вась, я уже не могу этими твоими сухарями кормиться. Давай заедем и возьмем чего-нибудь вкусного, а?

– Опаздываем, времени нет.

– Я тебе там не поселиться предлагаю, а на час-другой привал. Подкрепимся, отдохнем – дальше только быстрее поедем.

Василий попытался найти еще весомых аргументов против, но не смог. Дорожная еда ему тоже осточертела. А если неправильно и одинаково питаться, то можно крепко заболеть. Как же он будет работать больным? О делах кто позаботится?

– Ладно, но только ненадолго.

Подъехав к окраине, они спрыгнули с лошадей, с удовольствием размялись и привязали животных к дереву. Ушлого вида мужик настойчиво предлагал присмотреть за имуществом за пару копеек – Василий прогнал его вежливым пинком.

– Стой здесь и сторожи, я пойду снеди принесу.

– Да почему я сторожу-то?! – возмутился Анвар.

– Потому что я старший. Будешь хорошо работать – через пару лет тоже командовать будешь.

Повернувшись к подчиненному спиной, Василий уверенно зашагал к центру ярмарки. Честно говоря, в роли руководителя он все еще чувствовал себя неуютно и неловко. Но раз назначили, то нужно привыкать.

Ярмарка расположилась на широкой улице, между рядами добротных чистых изб, и напоминала сложный групповой танец без хореографа. Человек двадцать толпились у

одной палатки, где шла самая жаркая торговля, предлагали самые любопытные товары или просто стоял самый веселый продавец. Когда в другом месте становилось интереснее, толпа кочевала туда. Но их место сразу занимали новые группки из семей, дружеских компаний и просто праздничношающих покупателей. Веселая теснота поддерживала сама себя.

Потолкавшись у нескольких прилавков, Василий не смог выбрать что-то одно и выпытал у прохожих дорогу к местной пекарне. Минуту поколебался у бочки с пивом, но пересилил себя и взял квас. Скоро можно будет разгуляться, но не сейчас.

Пекарня – маленький каменный дом – стояла на краю улицы, где шум ярмарки становился чуть тише. Внутри у старой печи в полудреме сидела дородная женщина в расцвете сил.

– Здравсте, хозяйка. Снедь на продажу имеется? – спросил Василий.

– Караваи есть вчерашние, кулебяки со свиньей сегодняшние, – лениво ответила женщина.

– Давай две кулебяки. И заверни их.

Василий с показательной небрежностью бросил на стол десять копеек. В два раза больше цены кулебяк. Но хозяйка не впечатлилась – просто сгребла монеты и полезла в корзину у печи. Московских и подмосковных женщин вообще было сложно впечатлить, даже из низкого сословия.

– Ты откуда? – спросила она, заворачивая первую боль-

шую румяную кулебяку в платок. – Городской?

– Нет, я просто проездом. Красиво у вас гуляют, не смог не заехать. Отмечаете чего-то?

– Отмечали на той неделе – сама царица велела. Турков же побили в Крыму! Или татаров, или еще кого-то, я не поняла. Но гуляния хорошие были, людей понаехало. Теперь вот купцы их доят.

– Молодцы, сообразительные.

Хозяйка безучастно пожалала плечами и протянула кулебяки Василию. Тот посмотрел на ее румяное лицо и задумался. Он давно не общался с женщинами. Эта была не то чтобы писаной красавицей, зато здоровой и походила на одинокую вдову. Хороший тип, приятный. С искушениями ведь как: чем дальше, тем им сложнее сопротивляться...

– Посмотрите на эту шельму. Только приехал – сразу по бабам.

Василий резко развернулся. В дверях стоял высокий худощавый мужчина в черной рубахе с вызывающе ярким желтым поясом. Квадратное лицо обрамляла такая же квадратная черная короткая борода. Маленькие и весело блестящие глаза выглядывали из-под скрывавшей лысину шапки.

– Какой же ты черт мерзкий, – поморщившись, ответил Василий. – Везде грех усмотришь.

– Знаю, куда смотреть. – Филька Костяной широко улыбнулся.

Воры обнялись. Они не виделись почти год. Василий

успел соскучиться по этому странному, всегда подвижному лицу.

С Филькой он был знаком довольно близко – однажды он тоже входил в артель Резчика. Вместе они провернули пару небольших, но прибыльных дел, не раз сидели вместе на попойках. Костяной был веселым, бодрым, даже по-своему остроумным.

Но что-то в его манерах настораживало, заставляло подзревать какую-то подлость. Веселиться с ним было легко, но расслабиться почему-то не получалось. Делу совсем не помогали истории о прошлом Фильки – мол, до прихода к Резчику он успел поработать со многими ворами в Москве. Каждое партнерство заканчивалось ссорой, а иногда и дракой из-за мелочного предательства. Сам Костяной подобные слухи яростно опровергал, но меньше их от этого не становилось.

– Ты только с дороги? – спросил Филька, выходя из пекарни. – Где бывал?

– На югах работал, – уклончиво ответил Василий. – Я с Анваром был, он тут недалеко ждет.

– А, татарин этот? Слышал про него, но так и не видел. Познакомишь?

– Давай в другой раз – мы к атаману торопимся, сюда только вот за провизией заехали. Ты-то чего здесь?

– А у меня здесь предприятие одно. – Филька криво улыбнулся. – Скоро начинаем. Пойдем, посмотришь – еще и за-

работаешь.

– Нет, я сейчас работать не буду...

– Так в том и дело – работать не нужно, деньги из воздуха! У меня там бой кулачный, договорной. Я тебе говорю: верняк, обогатишься из ничего. Пойдем, пойдем! И татарина своего захвати, тоже разживется!

Не планируя слушать возражения, Филька потянул знакомого обратно в центр ярмарки. Василий думал вырваться, но что-то в нем сломалось. Пиво не взял, к женщине не полез. Если и от денег на пустом месте откажется, то можно уже и в монастырь идти. Да и Анвар какое-нибудь развлечение заслужил, если по совести размышлять.

Под бодрые крики ярмарочный люд выстроился в неровный пестрый круг. Крестьяне, купцы и пара попов с нетерпением ждали представления. От торговли их могло отвлечь только что-то очень интересное. А Филька отлично умел наобещать кучу интересного.

– Давайте, люди православные, собирайтесь! – залихватски вопил он. – Битва будет невиданная – трое против одного! Спорить на деньги будем! Ну, не боись, подходи!

Анвар озадаченно озирался вокруг, пытаясь понять, что происходит.

– Вась, а чего мы тут делаем? Что это за хрен?

– Филькой зовут, потом вас познакомлю. Он раньше нашим был, теперь сам по себе ходит. Будет народ развлекать. Татарин поморщился, но промолчал.

Когда зрители собрались, Филька оглушительно свистнул и махнул рукой куда-то в сторону. В центр круга вышли три молодца. Все были как с лубочной картинки: широкоплечие, лохматые, с длинными, тяжелыми руками, голые по пояс. Толпа одобрительно загудела – на драку таких глыб смотреть всегда интересно.

– Это, люди дорогие, ваши бойцы! Здоровые какие, ух! Я бы таких в плуг запрягал – десять раз поле перепашут!

Парни широко улыбались и щеголяли мускулатурой, стреляя глазами в стремительно краснеющих девушек в толпе.

– А теперь мой боец! – Филька снова свистнул.

После короткой паузы из толпы почти вывалился старик в пыльных штанах и рваном кафтане неопределенного цвета. Его кожа была похожа на кору: темная, потрескавшаяся, сухая. С круглого лица свисали длинные седые усы и клочковатая борода. Перегаром от него разило на несколько шагов.

Старик стоял покачиваясь, жмурясь на солнце. Зрители начали недоуменно переговариваться. Трое богатырей были растеряны.

– Почтенные господа, перед вами Прокопий Арсеньев, – объявил Филька. – Ветеран многих войн, был везде – от Германии до Урала. От славной армии российской его освободили по старости, но боевой дух в нем не погас. И я готов с вами всеми биться об заклад, что он по очереди положит каждого из этих вот парней!

Тишина на ярмарке сменилась взрывом хохота и улюлю-

канья. Не смеялись только Василий и Анвар, подозревавшие неладное. Кто-то тыкал в старика пальцем и смеялся, кто-то сердито сплюнул и ушел.

– Да-да, точно вам говорю: всех троих побьет и не вспомнит! – распалялся Филька. – Кто иначе думает – давай сюда деньги! Если не прав окажусь, то сразу верну в два раза больше! Ну, кто готов? Давайте, куда мне бежать-то?

Филька сорвал с головы шапку и вызывающе выставил ее вперед. Толпа подутихла, хотя многие продолжали хихикать и качать головами. Делать ставки никто не торопился. Филька повернулся к Василию. Тот быстро все понял и вышел вперед.

– Рубль против твоего хрыча! – громко заявил Василий.

– Принято, коли побьют его – отдам два! – задорно ответил Костяной.

– От меня тоже рубль! – сообразив, крикнул Анвар.

– Вот, люди готовы за счастьем погнаться! Остальные, не стесняйтесь!

Зрители снова засмеялись.

– Ты что, чудной? Ему помирать пора, какие драки! – крикнул кто-то. – Наши парни его в пыль втопчут, еще и тебе достанется!

Воодушевленные чужим примером, люди потянулись вперед, бросая в шапку монеты. Филька широко улыбался, не скрывая своего торжества. Закончив сбор денег, он отошел к краю толпы и крикнул бойцам:

– Ну, ребятки, чего стоите? В бой, только чур по одному! Кто деда положит – тому бутылку поставлю!

Первый парень – блондин со сломанным носом – вышел вперед под оживленные аплодисменты. Подошел к противнику, виновато ухмыльнулся:

– Извини, дед, но раз сам вызвался... Я тебя легонько, не в полную...

Прокопий что-то пробормотал и отвесил блондину молниеносную звонкую оплеуху. Парень отшатнулся, удивленно прижимая руку к щеке. Дед, все еще шатаясь, шагнул вперед и с размаху пнул блондина в колено. Удар был мастерский, прямой. Василий услышал неприятный хруст.

Толпа ахнула, замерла. Парень застонал, медленно замахнулся. Дед был быстрее и бросился вперед, орудуя кулаками и локтями. Череду ударов по ребрам и в живот он завершил еще одной пощечиной. Блондин жалобно вскрикнул и упал.

– Первый лег! – провозгласил Филька. – Давайте следующего!

Вторым на дело пошел веснушчатый рыжий. Этот был по-серьезнее и решил не рисковать. Он сразу бросился на старика и ударил его кулаком прямо в плоский нос. Прокопий даже не попытался защититься – просто принял удар и отлетел в сторону, приземлившись на зад. Зрители засвистели, захлопали в ладоши. Василий покосился на Фильку – тот был абсолютно спокоен.

Рыжий сплюнул и побежал заканчивать свое дело, уже за-

нося лапищу для нового удара. Дед неторопливо встал, в последний момент вильнул в сторону и бросил землю в лицо противнику. Пока тот рычал и прочищал глаза, Прокопий вскочил ему на спину и начал сосредоточенно бить парня по затылку, по ушам и по шее.

Рыжий пытался дотянуться до старика, метался из стороны в сторону, как пытавшийся сбросить непрошеного наездника конь. Но все напрасно – Прокопий вцепился в здоровяка мертвой хваткой. Через минуту рыжий сдался и рухнул на колени.

– Второй тоже готов! – задорно крикнул Филька. – Ну, третий, на тебя вся надежда!

Последний боец был чернявым и самым молодым из тройки. Сделав выводы из ошибок предшественников, он вышел осторожно, защищая корпус и лицо поднятыми руками. Прокопий перевел дыхание и ухмыльнулся.

– Молодец, хорошо на ногах держишься, – сказал он голосом, похожим на скрип старого колеса на дороге.

Парень не отвечал, продолжал приближаться, перескакивая с ноги на ногу.

– Не разговариваешь, дух сохраняешь... Правильно делаешь. Только на камень-то не напорись. – Прокопий ткнул пальцем в землю перед оппонентом.

Чернявый опустил взгляд на секунду. Этого деду хватило, чтобы подлететь и ударить парня прямо в глаз. Толпа взвыла. Даже Василий поморщился. Грязно ветеран дерется. По-

лучается, конечно, хорошо, но грязно.

Дело кончилось быстро. Чернявый еще пытался отбивать быстрые выпады старика, но с одним глазом много не навоеешь. В конце концов парень просто вскинул руки, ругнулся и сел на траву.

– А вот и третий сдулся! – Филька сунул шапку с деньгами в карман и развел руками. – Извиняйте, люди, уговор есть уговор, ставки я забираю. Зато какую красоту увидели, внукам рассказывать будете!

Зрители недовольно загудели. Одни пошли помогать побитым. Другие пристально смотрели на Костяного. Василий тоже поймал на себе пару недобрых взглядов.

– Ребятки, давайте поедem куда-нибудь еще отмечать, – шепнул Филька. – А то здесь как-то невесело уже.

Забрав лошадей и побитую жизнью повозку Фильки, они поспешно ретировались. Погони они не заметили, но в соседней деревне все равно решили не задерживаться. С крестьянским правосудием шутки плохи.

Зато к отмечанию подошли с размахом. Филька купил колбасу, хлеб и солидный кувшин с самогоном. Первым к нему приложился отдохавший после драки Прокопий. Затем пахнувшая грушами емкость перешла к остальным. Проехав еще пару верст на север, компания остановилась и расположилась на обочине, рядом с полем ржи.

Солнце уже приближалось к горизонту. Раскинувшееся рядом поле ржи приятно пахло и тихо шелестело на ветру.

Василий глубоко вздохнул. Приятно иногда от дел отвлекаться.

– Красиво дерешься, Прокопий, – сказал Анвар. – Как научился?

Молчавший почти все поездку старик востепенно и с подозрением посмотрел на татарина, будто впервые заметив его.

– А ты кто такой? – проскрипел он.

– Меня Анваром зовут. Я вот с этим, длинным, – это Вася.

– Ага... Вы из лихих?

– Может быть. – Анвар улыбнулся. – Как догадался?

– Да у вас на лбах написано, знаю вашу породу. – Старик еще раз приложился к кувшину и непринужденно расположился под деревом. – А драться научился как все – упражнялся.

– Я раньше таких талантов не видел, – отметил Василий. – Как ты так удар держишь?

– Бог благословил. С детства крепким был – матушка говорила, что меня как-то осел лягнул. После этого боли уже и не чувствую. Однажды, когда служил, меня пруссак штыком проткнул – вот тогда нехорошо было. Но ничего, встал сразу, дал ему в ухо, а потом...

– Замечательная история, потом расскажешь, – перебил Филька. – Господа хорошие, посчитал наши заработки – получите свои доли. Вам по одной десятой.

Василий получил два рубля. Он ни на секунду не сомне-

вался, что его обдирали, но спорить не хотелось – настроение было слишком приятным. Вечер был теплый, где-то вдалеке запели птицы.

К наступлению сумерек компания расправилась с едой и кувшином. Самогон оказался мягким на вкус и усыпляющим. Прокопий сдался раньше всех – старик вытащил из повозки старый выцветший солдатский мундир, накрылся им и свернулся калачиком под кустом. Воры тоже чувствовали себя не слишком бодро.

– Вась, давай завтра доедем, – с трудом выговаривая слова, произнес Анвар. – Меня рубит страшно.

– Да сколько можно, мы уже опаздываем, – лениво запротестовал Василий.

– Значит, утром рано встанем и поедем.

– Вот ведь... Ладно, я тоже не могу уже. Но ты первый в дозор.

– Почему я-то?!

– Мы уже обсуждали, забыл?

Анвар прошипел что-то на татарском, но все же занял наблюдательный пост у телеги. В поле шелестели колосья, воздух был тяжелым и сладким. Филька подпер голову кулаком и задумчиво посмотрел на Василия:

– Бросал бы ты это дело, пока не поздно.

– Какое?

– На Бориса Смехоченко шестерить.

Василий фыркнул. Так атамана Резчика уже давно никто

не называл.

– Почему это?

– Времена уже не те. Нынче на государство наскакивать опасно. Помнишь Антона Пастуха?

– Помню, конечно. Давно его не видел.

– А вот уже и не увидишь. Он в феврале со своими завод на Урале почистил. Через пару дней всех его ребят солдаты взяли.

– Всех? – Василий даже вздрогнул от неожиданности. – Как так?

– Вот так. Подкараулили и одних перестреляли, других повязали. Сам Пастух еле смылся, попробовал у нас спрятаться, потом все равно схватили. – Филька нахмурился. – И так со всеми будет, рано или поздно. Даже полицейские другие стали: половина не хочет «совесть продавать», а другие начальников больше бедности боятся. За всеми следят, всех прищучат скоро. Прошли дни вольного разбойства в России.

– Поэт какой. И чего тогда делать?

– В городе осесть, там дела вести. Сейчас в городах все деньги. Ты ведь тоже московский, да? Остайся тут, заведи свое предприятие – намного спокойнее, чем на дорогах гулять.

– Ага, пока еще один Каин не появится.

Филька возмущенно фыркнул и сплюнул.

Больше тридцати лет назад вор Ванька-Каин заставил московский сыск работать на себя. Он здорово перетряхнул

лихой народ в городе, отправив сотни под арест или в бега. Но других он защитил и обогатил. Удача его длилась недолго – вскоре его самого отправили на каторгу. Но в Москве Ваньку до сих пор вспоминали либо как героя, который мастерски обманул закон, либо как последнего предателя, который сдавал своих.

– Нет уж, такие раз в сто лет случаются. Я вот еще с Прокопием поезжу – да и запишусь в третью гильдию.

– И чем торговать будешь?

– Какая разница?! Сейчас купцам хорошо – при дворе вдруг решили, что их больше нужно. Давай со мной? Я сейчас в Сыромятниках проживаю, у вдовы одной. Она богатая, с приличным домом, совсем по мужскому вниманию истосковалась... Смекаешь?

– Да хватит уже подлости говорить. – Василий ухмыльнулся. – Смекаю. Только я ведь ни продавать, ни товар выбирать не умею.

– Ну и ничего. Ты ведь молодой. Тебе сколько, годов двадцать пять? Научишься всему быстро.

Почему-то в этот момент Филька выглядел очень честным, с большой теплой улыбкой. На пару секунд Василий даже задумался – может, правда пора сменить работу? Но потом он вспомнил, почему не любит надолго оставаться в Москве.

– Не знаю, не сидится мне здесь, – уклончиво ответил он. Филька разочарованно вздохнул и пожал плечами.

Солнце почти закатилось, воздух холодел. В темноте поле казалось совсем бесконечным и приобрело странный синеватый оттенок. Птицы постепенно затихали, вместо них заговорили сверчки.

– Костяной, а ты когда-нибудь про отставку думал?

– Про отставку? – озадаченно переспросил Филька, устраниваясь на повозке.

– Да, где старость хочешь закончить?

– Ого, какой вопрос... Не знаю, где-нибудь в своем доме. Может, с семьей, а может, просто сироту к себе возьму – я в жен как-то не очень верю. А, и лошадей хочу разводить.

Василий расстроено свистнул. Даже у таких подлецов приличные планы на старость. Разводить лошадей... Хорошая мысль, нужно запомнить.

Вскоре вся компания заснула. Анвар забыл о своих обязанностях дозорного и тоже провалился в сон.

Через пару часов мимо прошел задержавшийся на лесорубке крестьянин. Заметив пухлые мешки на повозке и сравнительно приличную одежду спящих, он подумал рискнуть и что-нибудь стянуть. Когда он подкрался близко, Василий перевернулся во сне – из-под его куртки показались рукояти пистолета и ножа. Крестьянин подумал, расстроено сплюнул и пошел дальше по дороге.

Предложение на балконе

На вид особняк Фонтерновых был очень приятным местом. Здание явно не раз ремонтировали и перекрашивали, поддерживая в образцовом порядке. Рокайльные барельефы украшали высокие голубые стены из камня, в маленьком саду перед дверью росли розы и маленькая береза. Именно так Марк представлял европейские резиденции: небольшие, но красивые, без излишеств и со вкусом.

Побольше бы таких в деревянной Москве. Авось весь город приличнее стал бы.

Дверь открыл коротко стриженный мужик с рваным шрамом на носу. С подозрением осмотрев Марка, он бросил:

– Работы нет, милостыню по воскресеньям подаем. Давай, иди.

– Да подожди ты. – Марк придержал дверь. – Меня хозяйева на обед пригласили. Жан Жефро меня зовут.

Мужик прищурился, покачал головой и ругнулся:

– Что с миром-то делается – французы на русских похожи... Ладно, заходи.

Марка провели по светлому залу и лестнице из темного лакированного дерева. В вазах у окон стояли свежие букеты, на стенах висели скучноватые, но благовидные натюрморты и пейзажи в бронзовых рамках. Хозяйева явно не бедствовали.

Тимофей и Дарья ждали его на балконе. Рядом сидели Кляйн и незнакомый мускулистый парень в ермолке. На столе стояли фарфоровая посуда, закуски и бутылка с красным. Хороший знак – за чаем интересные дела не обговаривают. Франт молча кивнул и указал Марку на свободный стул.

– А, мсье Жефро, вы наконец пришли! – радостно прошептала Дарья. – Присаживайтесь, я за вами поухаживаю. Доктор нам как раз рассказывал о ваших приключениях. А это Петр, он к нам из Варшавы приехал. Вы же знакомы?

– Нет, не доводилось, хотя Дитрих мне рассказывал. – Петр заинтересованно приподнял бровь. – Француз, значит? А из какой части Франции?

– Отец был из южной, мать из северной. Дед вообще из центральной. А вы из какой части Польши?

– Из дальней.

– Шапка у вас интересная.

– По вере моей ее носить положено.

– А ты еврей, значит?

– Еврей. А что-то не так?

– Да все так. Евреев люблю, особенно если они люди талантливые.

Марк хмыкнул и повернулся к Кляйну. Тот улыбнулся и еле заметно кивнул. Значит, Петр тоже вор. Осталось раскусить хозяев.

– Вот ведь голова моя дырявая! Я же совсем про пирог забыла! – воскликнула Дарья. – Первый раз сама пеку – сразу

же и сожгу все. Пойду проверю, вы пока о делах поговорите.

Девушка выпорхнула с балкона и закрыла за собой двери. Тимофей открыл бутылку и наполнил бокалы – гости с энтузиазмом выпили. Вино оказалось посредственным, почти приторным. Зато бесплатно.

– У вас очаровательная невеста, мсье, – сказал Марк. – Или уже жена?

– Ни то ни другое, – ответил франт. – Это сестра моя.

Дарья и Тимофей были похожи, как элитная гончая и арабский скакун: оба красивые, дорогие, но совершенно разные. Марк, впрочем, не стал задавать вопросов и просто вежливо кивнул.

– Господа, давайте будем говорить откровенно, – после короткой паузы продолжил Тимофей. – Во-первых, мы знаем, что вы не французский торговец Жан Жефро, а беглый дворовой и вор Марк Мохов. Не пытайтесь отбрехаться, мне это не важно.

– Ну что же... – Марк пожал плечами. – Хотя бы акцент изображать не придется. Впрочем, должен отметить, что купец я вполне себе настоящий. Даже документ имеется.

– Мне известна и ваша вторая профессия, дорогой доктор. Только ваше настоящее имя я так и не узнал.

– Дитрих Кляйн меня зовут, честное слово. Не вижу смысла псевдоним себе брать. – Доктор на секунду задумался. – То есть крестили меня как Дмитрия. Мама была русской и хотела православное имя ребенку. А отец был немцем и хо-

тел «европейское» имя дать.

– Так ты крещеный? – удивленно спросил Марк.

– Конечно. А ты думал, что раз немец – значит, не православный?

– Не отвлекайтесь! – прикрикнул Тимофей. – Есть одна работа, которую я хочу вам предложить. Задача не слишком сложная, но очень прибыльная. Поэтому послушайте меня внимательно. Если не понравится, то можете просто уйти и упустить состояние.

Марк усмехнулся. «Простая работа, состояние» – эти слова были верными признаками очень дурацкой идеи. Но ему было интересно послушать план дворянина. Вдруг он как-то по-особенному дела делает?

– Хотите верьте, хотите нет, но я вашего брата хорошо знаю. Воры ко мне приходят, когда им нужна особая помощь. Разузнать, чего в дорогих домах есть, передать взятку большим начальникам, дать ложные показания – подобные вещи. Не самое благородное занятие, но местами доходное.

– Очень полезные услуги. Почему же мы о вас не слышали? – поинтересовался доктор.

– Мы в Москву недавно перебрались, – пожал плечами, ответил Тимофей. – Раньше в Петербурге жили. К тому же я предпочитаю «не отсвечивать», как у вас принято говорить. Сейчас у меня одно предприятие есть – двор в Хамовниках держу. По бумагам у меня там обувная мастерская. Фактически же я сдаю помещение одной амбициозной артели. Они

мне платят за пользование сараем, в котором хранят дорогие, но незаконно добытые вещи.

– Зачем им целый сарай для этого? – Марк ухмыльнулся. – Они коров крадут?

– Не коров, а краденое. И добыча у них посерьезнее вашей. Я их иногда навещаю, чтобы деньги забрать. В последний раз они меня попросили найти талантливого кузнеца, который может обращаться с серебром. Мне интересно стало, начал расспрашивать. Ну они и признались, что хотят переплавить большую партию драгоценных металлов.

Тимофей выдержал паузу и отпил из своего бокала. Франт определенно наслаждался представлением.

– Это что же за артель такая? – озадаченно спросил Петр.

– Вас это волновать не должно. Важно другое. Их «надзиратель» – или «смотрящий», не знаю, как вы там таких называете, – жаловался на острые боли в животе. Он уже неделю еле ходит, с ним там только один охранник. Здоровый, но туповатый. Так что забрать их богатства будет несложно. Если все сделать правильно.

На балконе стало тихо. Воры напряглись, но продолжали смотреть в рот дворянину. Тот продолжил:

– План такой. Вы туда поедете – транспорт уже организовал. Даже маскировка есть, один актер знакомый одолжил. Назовете пароль и скажете, что от атамана.

– От атамана? Они казаки, что ли?

– Нет, и это не важно. Пока доктор будет обследовать

больного и отвлекать внимание на себя, Марк пройдет к сараю и вытащит ящики. Вы же наверняка именно так и работаете, да?

Кляйн и Марк кивнули. Именно эта тактика помогла им обнести три лавки и одну баржу.

– Отлично. Тем временем Петр и мой дворовой Петька будут ждать у забора. Они примут груз и привезут его сюда. Петр – человек умелый, с металлами работает. Он серебро переплавит в украшения.

– А как же вы планируете их продавать? – спросил Кляйн.

– Вот здесь самое интересное. – Франт широко улыбнулся. – Сначала я думал искать скупщика, но слитки за адекватную цену продать тяжело. А твой магазин натолкнул меня на новую идею: мы устроим аукцион. Петр, сколько тебе потребуется на переплавку?

Внимательно слушавший разговор еврей вдруг встрепенулся и начал считать что-то на пальцах, окончательно лишая себя солидности тихим бормотанием.

– Если там правда несколько ящиков, то за неделю справлюсь, – уверенно сказал он, закончив расчеты. – Можно за пять дней, если совсем торопиться.

– Пусть будет неделя. За это время я схожу на пару-другую приемов, поговорю со знакомыми и расскажу им об удивительном торговце Жане Жефро. И раскрою им секрет: скоро этот загадочный негодник будет продавать древние украшения французских королей. Полиция нас не побеспокоит –

слишком много важных людей соберется.

Марк не удержался и присвистнул. Он высоко ценил творческие способы обогащения и был приятно удивлен изобретательностью дворянина. Но самый важный вопрос он еще не задал.

– Сколько же мы на этом заработаем? И как будем делить?

– Чтобы сразу избавить вас от волнений, после вывоза серебра можете рассчитывать на предоплату в сто рублей каждому. Это так, мелочь для поднятия настроения. Что же касается процентов с продажи... Мы с Дарьей получаем треть, Петру – одну пятую, вам с доктором – все остальное. Сколько там точно будет, не знаю. Но я рассчитываю увидеть не меньше десяти тысяч рублей.

На балконе стало очень тихо. Кляйн закусил губу и откашлялся. Петр широко улыбался, подставив лицо вышедшему из-за облаков солнцу, Марк рассеянно вертел в руках вилку. О таких суммах он слышал только в историях о похождениях придворных баловней.

– Это... Довольно много денег...

– Именно. Но дело нужно провернуть быстро, пока серебро еще там. Если все согласны, ехать нужно уже сегодня. У Петьки вечером еще одно задание.

Трое воров оценивающе посмотрели друг на друга. Лица Кляйна и Петра не выражали никаких сомнений. Марк и сам был почти готов согласиться – раньше он с ходу впрягался в куда более рискованные и куда менее прибыльные истории.

Но франта нужно было проверить еще один раз.

– Ваше благородие, а зачем вы вообще этими воровскими делами занимаетесь?

Тимофей будто задумался, постучал пальцами по столу. Затем пожал плечами:

– Да затем же, зачем и вы. В народе почему-то считают, что все дворяне с пеленок и до могилы в деньгах купаются. Но среди нас тоже есть богатые и бедные. И если не родился у самых везучих родителей, то придется на службе горбатиться. Мне служить не понравилось, честно скажу. Вот и решил зарабатывать более... авантюрным способом.

Франт ухмыльнулся и поднял бокал:

– Ну так что, вы согласны?

Ни один молодой и уважающий себя вор от такой авантюры не отказался бы. Лучше легких денег для лихого человека могут быть только легкие деньги за интересную работу.

Звон бокалов разнесся по улице. Бредущий мимо гусар посмотрел наверх и завистливо вздохнул. Кляйн наклонился к Марку и прошептал:

– Я же говорил – нашего сукна епанча.

Вскоре на балкон вернулась Дарья. За ней шла престарелая служанка, которая несла большое блюдо с пирогом.

– Пирог не сгорел, успели-таки! А, вы уже пьете? Значит, про работу закончили? – Девушка радостно улыбнулась. – Ну и прекрасно, давайте тогда об интересном. Марк, а расскажите, что про Россию во французских газетах пишут?

Обед прошел в приятных разговорах о мелочах. Петр знал удивительно много слухов об императорском дворе и рассказывал смешные истории про еврейский быт. Кляйн с энтузиазмом включился в обсуждение полезных свойств минеральных вод. Мрак даже успел расслабиться, нежась под теплым солнцем.

Расслабленное веселье прервал Тимофей:

– Господа, к сожалению, вам уже пора выдвигаться, время не терпит. Доктор Кляйн, вот ваше письмо – покажете его на месте, как договаривались.

– Неужели вам никак нельзя еще остаться? – Дарья расстроено всплеснула руками.

– Даша, у них важное и срочное дело. Мы еще как-нибудь соберемся.

– Очень жаль, господа, очень жаль. Разбирайтесь с вашими делами побыстрее и возвращайтесь – отметим!

Три вора встали, откланялись и вышли с балкона. Марк почувствовал легкую обиду – благородное общество ему понравилось. Особенно приятно общаться было с очаровательной Дарьей. Но короткая радость закончилась, пришло время возвращаться к рабочей реальности.

У выхода их уже ждал Петька, проверявший простую упряжь и стоявшую неподалеку черную карету.

– Кто из вас со мной поедет?

– Это я буду, – ответил Петр. – Поехали, только не очень быстро...

– Обожди, не беги. – Марк взял еврея за плечо. – Нам сначала познакомиться нужно.

– А мы разве не познакомились?

– Сейчас я знаю, что ты умеешь с железом работать и что ты не из Польши. Скорее всего, ты еще и не Петр никакой.

– А что еще нужно? Дитрих же меня знает.

– Я-то не знаю, а с незнакомыми людьми мне работать не нравится. Вообще, если ты не знаешь, по традиции мы должны перед первым делом вместе выпить. Но раз у нас времени нет, то давай хоть трубку раскурим. Доктор, забивай свой табак.

Кляйн достал из кармана табакерку и трубку. Он нашел какого-то мутного торговца, который продавал всякие странные диковины, включая чудовищно крепкий табак с необычным вкусом. Доктор курил его редко и не очень любил им делиться. Но традиция есть традиция, и вскоре из трубки поднялся сладковатый дым.

– Ого, крепкий какой, – отметил Петр, закашлявшись после первой затяжки. – Но вкус интересный... Ладно, чего тебе рассказать?

– Откуда ты на самом деле?

– Из Новгорода. Там делать нечего, переехал сюда. Понял, что польским иудеям больше в делах верят. Ну и начал притворяться.

– Чем, кроме воровства, занимаешься?

– Да я сам и не ворую почти. Я в мастерской работаю. Но

там хозяин ленивый и слепой почти, в мои дела не лезет. Так что на стороне подрабатываю: пашпорты делаю, документы, с металлами работаю, с деревом. И для честной публики, и для ваших.

Еврей снова закашлялся и передал трубку Марку.

– Понятно, умелец. Чего о благородных этих думаешь?

– Я вам так скажу: если кто-то в России умеет быть осторожным, так это наш избранный народ. При всей скромности могу заявить, что чувство опасности у меня хорошо развито. И в этих двух я большой подлости пока не замечаю. А тебе-то вопросы задавать можно?

– Ну попробуй.

– Ты как французскому научился?

– У барина выучил, когда мальцом был. Пробовал немецкий освоить, но там язык сломаешь.

Кляйн усмехнулся.

– Понятно. А откуда... Какой у вас табак странный, меня прям размазывает. Откуда магазин у тебя?

– Накопил, приобрел, – соврал Марк. – Даже в коллегии оформлен. Я там ассессору заносу подаяния, меня не трогают.

– Хорошее дело. Слушай, немец, я сейчас подумал – я ведь про тебя тоже мало чего знаю. Ты откуда сам?

– Из Смоленска. Дедушка еще при царе Петре сюда переехал из Баварии – он врачом был, мой отец тоже лечил, ну и меня научил. Семейная профессия.

– А как с лихими людьми спутался?

– Завалился однажды ко мне один, с порезанной ногой. Я его зашил, он попросил деньги краденые спрятать. Ну и понеслось...

Воры с минуту молча стояли, передавая трубку по кругу и радуясь солнцу. Дворовой нетерпеливо откашлялся и что-то проворчал себе под нос.

– Слушайте, а вам не страшно? – снова заговорил Петр. – То есть воровать-то, понятно, дело привычное. Но с такими деньгами... Не знаю, даже не по себе мне как-то. Вот у вас какой самой большой улов был?

Марк задумался. Столько обнесенных домов и карманов, столько распроданных мелочей. И все такое несущественное...

– Ничего и близко похожего не было, – со вздохом признал вор. – Но думаю, что так и должно быть. Доброго человека Бог за труды вознаграждает. Я никаких больших грехов на душу не брал, только по мелочи бедокурил. Поэтому считаю все это заслуженной благодатью, маленьким таким чудом. И вам советую.

– А мне вот кажется, что ничего необычного не происходит. – Кляйн приглаживал усы и волосы, всматриваясь в свое отражение в окне кареты. – Для нас десять тысяч могут быть огромными деньгами. Но дворяне к таким суммам привыкли. При дворе в карты играют на миллионы. Так что воспринимайте это как обычную работу, просто заказчик необыч-

ный.

Где-то на соседней улице запели тягучую крестьянскую песню. День медленно превращался из теплого в жаркий.

Черная работа

В десятке верст к югу от Москвы, в сердце густого леса стояла чудом уцелевшая под давлением времени церковь. Выглядела она не просто старой – было удивительно, что она вообще стоит. Ее стены были покрыты мхом, бревна почернели, от дощатой крыши отвалились целые куски, маленькая квадратная колокольня накренилась под пугающим углом. От заросшей тропинки строение отделял высокий частокол, который смотрелся бы намного уместнее в солдатском лагере где-нибудь в Сибири.

При всей внешней враждебности и мрачности Василию это место нравилось. Было в нем что-то очень старое, правильное. Ему всегда казалось, что места веры должны быть именно такими, а не цветными и разукрашенными. Однажды он высказался об этом вслух. Окружающие на него зашикали и обозвали еретиком. С тех пор свои предпочтения в религиозной архитектуре он держал при себе.

Когда эту церковь построили, никто точно сказать не мог. О ней вообще мало кто знал, постоянных прихожан у нее не было. Поэтому атаман Борис Смехоченко, также известный как Резчик, решил устроить свою летнюю резиденцию именно там.

– Вась, иди пока сам, – с трудом выдавил Анвар. – Я скоро тоже буду, только передохну тут...

Утро у татарина было тяжелое. После тяжелого самогона и колбасы спорной свежести он приобрел желто-зеленоватый оттенок кожи и то и дело хватался за живот. Василий сочувственно ухмыльнулся, взвалил на плечи мешки и пошел вперед.

Ворота были не заперты, петляющая дорожка вела к крыльцу. Там сидел округлый поп с кустистыми седыми бровями и широкой улыбкой. Хозяин был под стать месту – старый и странный.

– Привет, Вася! – пробасил он. – Давно не виделись.

– Привет, отец. Как дела у вас?

– Хорошо дела у нас, хорошо. Топорами трудимся, Божьи дела исполняем.

– Это какие же дела такие?

– Если такое спрашиваешь – значит, не надо тебе спрашивать.

Поп глубокомысленно ткнул пальцем в небо. Как собеседник он Василию не очень нравился.

– Где начальство мое?

– Там, у себя сидит. Передай, что я от него Псалтирь обратно жду!

За церковью располагались огород, хлев, колодец и маленький дом. Жить там, вероятно, должны были послушники, но в забытом месте таких не имелось.

Сам атаман согнулся над грядкой и размеренно работал мотыгой. Сутулый, худощавый, с редкими седыми волоса-

ми, в простой рабочей рубаше, Резчик выглядел как обычный усыхающий старик. Особенно на фоне сидевшего рядом гиганта в сером засаленном сюртуке, с косыми плечами, рыжей бородой и блестящей на солнце лысиной – Кузьмы Пушкаря.

Василий тихо вздохнул. В последние дни ему везло на неожиданные встречи с коллегами.

– Чего сажаешь, атаман?

– Здесь морковку, там вон огурцы, – не поворачиваясь, ответил Резчик. – Земля здесь хорошая, все растет.

С размаху воткнув мотыгу в землю, Резчик потянулся и зевнул. Старческое лицо покрывали морщины и шрамы, но примечательнее всего были его глаза – большие, водянистые, голубые. Они всегда смотрели куда-то очень глубоко, будто под кожу.

– А чего вола своего не запряг? – Василий кивнул в сторону Кузьмы.

Пушкарь только показал зубы – то ли в улыбке, то ли в оскале.

– Он уже свое отработал, припасы мне из города привез. – Атаман посмотрел на мешки. – А ты чего притащил? Не обманул нас секретарь?

– Не обманул, взяли...

– Да тихо ты! Не здесь, пойдем в дом.

Жил Резчик скромно – в комнате его богатство выдавали только иконы в позолоченных рамках и большой сундук в углу. Атаман вытянул из-под лавки старую кавалерийскую

саблю и вскрыл один мешок. Вытащил слиток серебра, придиричиво осмотрел, взвесил в руке.

– Приличное, да. Как прошло, рассказывай.

– Как ты говорил. Приехали в село, на следующий день в лес пошли, там еще два дня прождали. Потом конвой поймали – просто карета, один солдат охранял. Он не дурак оказался, драться не стал. Забрали товар, закопали, отсиделись у реки. Два патруля видели, но не попались. Потом вернулись, еще день прождали и поехали обратно.

– Молодцы, все правильно сделали. – Резчик удовлетворенно кивнул. – Все как я учил. Знаю, долго прятаться пришлось. Но с такими вещами лучше перебояться, чем недобояться...

– Правильно говоришь, – поддакнул Пушкарь. – Пастух вон недавно недобоялся – слышал, Вася?

– Слышал, жаль его.

Лишенный возможности рассказать историю, Кузьма обиженно поджал губы. Несмотря на репутацию убийцы и бешеного разбойника, он был удивительно болтливым.

– А чего задержался, раз проблем не было? – спросил атаман. – Я тебя вчера ждал.

– Да мы так и собирались... – Василий на секунду замаялся. – Но вчера Фильку Костяного по пути встретили, ему помочь надо было.

– Значит, он все еще там работе мешает. Специально же его прогнал, чтобы под ногами не путался. Надо бы его, ко-

нечно, того...

Резчик вдруг замолчал и задумчиво уставился в окно. Его подчиненные стояли и терпеливо ждали продолжения мысли. Он часто замолкал посередине разговора.

Василий познакомился с атаманом двенадцать лет назад. Чума все еще собирала свою жатву в Москве. Бунт городской бедноты уже подавила армия, но грабежи и погромы продолжались. Резчик, тогда еще не совсем седой, недавно бежавший со службы казак, подчищал опустевшие дома. Василий, тогда еще четырнадцатилетний бездомный парень, перебегал из одного укрытия в другое.

Они встретились в заброшенном питейном погребе. Разговорились, казак пожалел парня и решил взять его с собой. Со временем у них даже установилось что-то похожее на близкие, почти семейные отношения. Они уехали из Москвы, встретили других воров. Дальше были страшные и веселые годы. Василий учился лихому ремеслу и вырослел. Резчик искал возможности заработка и старел.

Дела их шли с переменным успехом – не обошлось без пары арестов и кровавых стычек. Но атаман удивительно хорошо умел находить нужных людей и вскоре оброс компанией талантливых «работников» и знакомствами в самых разных местах. Некоторые контакты давали ценные наводки, другие помогали вовремя отвести руку закона в другую сторону.

Поколесив по губерниям, они собрали что-то вроде устойчивой команды и вернулись в Москву. Как ни крути, а денег

больше всего именно там.

Резчик перестал выезжать на работы сам и лишь изредка выбирался в Москву на разговоры. В остальное время он сидел в тихих местах и руководил своей небольшой артелью. Марк же, наоборот, большую часть времени проводил в делах, а иногда и работал сам на себя.

Атаман и уже взрослый вор начали отдаляться друг от друга. Но времени на разговоры по душам у них не было. Последние полгода члены артели были заняты большим делом – крали у государства серебро. У них уже скопилась небольшая гора драгоценного металла, но продавать ее атаман не спешил.

– Ладно, потом с ним разберусь. – Резчик потрянул головой. – А где татарин?

– Анвар у входа, он болеет. Приносит извинения.

– Понятно все с вами, не уважаете старика...

Отмахнувшись от попыток Василия оправдаться, атаман подошел к сундуку и откинул скрипучую крышку. Внутри лежали десятки туго набитых кошельков – простых и расширенных узорами, холщовых и кожаных, с резьбой и с бусинами. Вряд ли хоть один из них был приобретен по-честному.

– Вот, держи. – Резчик кинул два тяжелых кошелька. – Тут две сотни должно быть. Поделишь с подельником, как захочешь.

– Хорошо. Я тогда груз в общак отвезу?

– Нет, отвезет Кузьма, он теперь на охране. Для вас дру-

гое дело есть. – Атаман нахмурился. Большие голубые глаза стали холодными. – Нужно секретаря нашего убрать.

Василий даже вздрогнул от удивления. Работавший в Камер-коллегии секретарь Дубов не раз указывал банде на плохо охраняемые грузы и государственные склады с серебром. От него зависел успех всех хищений казенного металла: можно быть сколько угодно талантливым вором, но, если не знаешь, откуда таскать, – много не заработаешь. За свою помощь он получал достойное вознаграждение и на условия не жаловался.

– Зачем? Он нас разве обманул?

– Не-а. Вот пусть и не обманет никогда и не сдаст. Он нам больше не нужен.

– Почему не нужен? Мы больше на дороги выходить не будем, что ли?

– Об этом потом поговорим. – Резчик раздраженно поморщился. – Вася, я понимаю, что это не про твои умения, что тебе такое не нравится. Но так нужно, больше некому доверить. Момент такой сейчас, многое решается. Поэтому надо это сделать, и не абы как, а обстоятельно. Чтобы никто на нас не вышел. У него дом на Покровском Валу, рядом с заставой, так что там ищек много. Лучше всего его к реке отведите и туда скиньте. Все понял?

– Да, понял, – выдавил Василий.

– Как с ним закончишь – есть еще дело важное. Поедешь к Иерею. Большой человек, полезное знакомство заведешь.

У него там на Царицыном лугу мастерская ткацкая, не пропустишь. Скажешь, чтобы в воскресенье ко мне со своими ребятами сюда приехал на разговор. Будем с ним продажу обговаривать.

– Продажу? Почему сейчас?

– Да что же такое! – Резчик ударил кулаком по столу. – Везде тебе нужно влезть, все оспорить! Нос ты отрастил слишком длинный, смотри, как бы не отхватили его!

В избе повисла тяжелая тишина. Кузьма сосредоточенно рассматривал пол.

Командовать лихими людьми вежливостью и лаской – дело бессмысленное. Рано или поздно нужно показывать суровость. Атаман это знал и не жалел для своих ни крепких слов, ни тумачков. Поговаривали, что пропавший в прошлом году Сашка Доска и вовсе в могиле без креста лежит за то, что больше своей доли брал. Василию эти воспитательные вспышки гнева не нравились, хоть он и понимал их необходимость.

С возрастом Резчик становился все раздражительнее и злее. Если раньше он срывался только из-за глупых или опасных ошибок, то в последний год всем доставалось за любую мелочь. Василию это нравилось еще меньше.

Но он же не мог просто уйти из артели. Это был его дом, хоть и дурной.

– Понял. Все сделаю, – процедил Василий сквозь зубы.

– Вот сразу бы так. – Атаман сплюнул. – А то я от старости

помру, пока тебя уговаривать буду. Пушкарь, ты тоже шеvelись, вези груз ихний в общак. И в субботу доставите мне всякого харча для застолья. Давайте, с богом.

Лениво перекрестив своих работников, Резчик вышел из дома и вернулся к работе на грядке.

Василий взвесил в руке кошель. Две сотни рублей за неделю. Какой-нибудь чиновник столько и за месяц не заработает. Есть в воровской жизни свои приятности. Только теперь деньги его почему-то не грели.

– Загуляешь с этим богатством? – поинтересовался Кузьма.

– Не знаю, может быть. – Василий пожал плечами. – Тебе-то чего?

– Ты не злись на него. Он старый, больной, сидит один с попом этим. Вот и ум за разум заходит. Да и других бед хватает.

– Каких бед?

– Долго рассказывать. – Гигант махнул рукой в сторону дороги: – Пойдем, с вами проедусь, поговорим.

Попрощавшись с попом, вору вышли с церковного двора и направились к лошадям. Анвар будто взбодрился и выглядел более здоровым. Впрочем, увидев Пушкаря, он скривился и прищурился:

– И ты здесь. Слушай, хотел спросить: а не тяжело с твоей спиной коровьей все время старику кланяться?

– Тоже тебя рад видеть, татарин, – оскалившись, ответил

Кузьма. – Все думаю, когда тебя язык до ножа в бок доведет?

Два здоровяка друг друга не любили – и не скрывали это. То ли соревновались за статус самого большого мужика в артели, то ли просто характерами не сошлись. Драки между своими Резчик строго запрещал, но заставить подчиненных полюбить друг друга атаман не мог.

В лесу было прохладно и тихо, пахло смолой и хвоей. Яркое солнце проглядывало через ветки, но не припекало. Местами попадались цветы и кусты ягод. Василию вдруг захотелось задержаться там, в приятной прохладе. Возвращение в город уже не казалось такой уж приятной перспективой.

– Так что с ним такое? – нехотя спросил он.

– С атаманом-то? – Пушкарь пожал плечами. – Да как тебе сказать... Ты когда у него в последний раз был до этого?

– Где-то в мае заезжал вроде бы.

– Вот в том и дело. Он там сидит с дураками и с попом этим. Филька хоть и дурной, но развлекал его. Я с Семеновичем в общаке почти все время сижу. А ты пропадаешь, свои дела завел.

Василий поморщился. Он действительно начал работать сам по себе, по мелочи – подчистить повозку тут, срезать кошелек там. Обычному вору за такое и слова бы не сказали. Но банды – дело ревнивое, самостоятельность в них не любили.

– Я же его не бросил. И вас тоже.

– Знаю. Но он сейчас ни в чем не уверен. Возраст у него

такой, пугливый.

– Так он из-за возраста хочет людей убивать? Или потому что ему компании не хватает? – раздраженно спросил Василий.

– Из осторожности. Не только Пастуха ведь прижали. Лихих сейчас налево и направо хватают, особенно на дорогах. Московских пока не так давят, но и до них рано или поздно доберутся. Вот он и боится. Мне тоже неприятно, честно скажу.

– И что теперь, людей резать?

– Это не по твоей лавочке, понятно. – Кузьма вдруг заговорщически подмигнул: – Если хочешь, то я сам могу делом заняться. Сейчас отвезу вашу добычу, потом смотаюсь в город. К утру все сделаю.

Василий задумался. Сам по себе вид смерти его не пугал. Он не был уверен в этом, но, возможно, он уже убил одного парня. На том нижегородском рынке октябрьским вечером вообще страшные вещи случились. Но убивать не в драке, а вот так, исподтишка, еще и просто какого-то служащего... Все это было совсем неправильно.

Но и отдавать судьбу секретаря в руки Пушкарю ему тоже не хотелось. Мрачные истории о рыжем гиганте рассказывали не просто так. Ему нравилось драться и, кажется, нравилось убивать. Таких отправлять на тихое дело нельзя. Таким вообще верить не стоит.

– Нет, я сам как-нибудь. У тебя дело важное, не отвлекаю.

– Как знаешь. – Кузьма разочарованно пожал плечами. – Если передумаешь, дай знать. Да и вообще заезжай как-нибудь к нам. Мы недавно нового мужика взяли, городского. Дерганый, но вроде смысленый. Правда, мы с ним теперь по очереди за больным ухаживаем – у Семеновича живот страшно схватило, еле ходит.

Вскоре лес кончился. Вдалеке показались первые каменные дома и шпили, по голубому небу плыли столбы дыма из труб заводов. По дороге двигались повозки, всадники и пешие, купцы, солдаты и крестьяне. Златоглавая была уже совсем рядом.

Воры остановились на перекрестке. Кузьма пожал руку Василию, еле заметно кивнул Анвару.

– Ну чего, ребятки: я – направо, вам – вперед. Бог смилуется – еще свидимся.

Насвистывая веселую мелодию, гигант поехал на восток. Мешки с серебром болтались у крупа его лошади. На них можно купить большой дом в центре города, а потом безбедно жить и даже шиковать годами. А выглядит, будто зерно везут.

– Вась, мне послышалось или мы кого-то убивать едем? – осторожно спросил Анвар.

Где-то неподалеку дятел начал стучать по дереву. Василий устало потер переносицу:

– Это мы еще посмотрим.

Лечат и калечат

После переноса столицы на север Москва будто немного сжалась, высохла. Улицы стали чуть свободнее, стройки шли чуть медленнее. Граница города и пригородов стала смазанной. По мере удаления от Кремля каменные дома и особняки медленно сменялись деревянными, дворы постепенно расширялись.

Самым явным признаком пригорода были дороги – когда карета начала подсакивать на колдобинах, Марк понял, что они добрались до Хамовников.

Петр и дворовой уехали первыми. Через несколько минут воры двинулись за ними. Исполняя роль ассистента, Марк сел на козлы кареты. Кляйн расположился в салоне, наглядно демонстрируя, что образование действительно делает жизнь лучше.

В поездке поделщики уплетали купленные у разносчика блины – обед у дворян был вкусный, но не особенно сытный. Мимо проплывали избы, колодцы и прочие элементы недостаточной цивилизации. Было тихо, приятно сонно.

Ощущения портила только колючая накладная борода – подарок от Тимофея. Идея была хорошая, да и вещь явно недешевая. Почти как парик, только наоборот. Но нижняя половина лица Марка уже начинала гореть.

Доктор высунулся из окна и с прищуром посмотрел вдаль.
– Вот здесь, кажется. Остановливайся.

Марк ожидал увидеть покосившуюся халупу и грязный частокол. Что-то мрачное, выдающее преступные дела обитателей. Вместо этого перед ними предстал почти образцовый двор: высокий забор, пара яблонь и добротный, окрашенный в голубой двухэтажный дом. За ним виднелось небольшое темное строение – заветный сарай.

Петра и дворового было не видно. Наверняка отъехали и ждали где-то в тихом месте.

– Ну как, готовый? – спросил Марк.

– Я всегда готовый, – ответил доктор с азартной улыбкой. – Пойдем.

Воры выбрались из кареты, подошли к калитке и постучали. Ответа не было минуту, две. Постучали еще раз, настойчивее. Тишина. Марк прочистил горло и крикнул:

– Хозяева! Есть кто дома?

Дверь дома распахнулась. В проеме появился настоящий гигант с пышной рыжей бородой и блестящей на солнце лысиной. Его сальное лицо было покрыто оспинами и искажено яростной гримасой.

– Кто такие, чего нужно?

– Мы от атамана. Насчет лечения. Кто тут у вас больной?

Исполин поколебался, заворчал, но все же подошел и открыл калитку. Марк с интересом отметил, что за поясом у него торчала рукоятка пистолета.

– Доктора, что ли?

– Я доктор, а это – мой ассистент. За обследование уже заплатили, может, сейчас сразу вылечить получится. Мы войдем?

На работе Кляйн всегда врал одинаково, принимая образ важного, очень умного и нетерпеливого человека. Иногда он начинал сыпать медицинскими терминами, дополняя их случайными латинскими и немецкими словами. Марку подобная тактика казалась скучноватой, но она стабильно работала.

Гигант хмыкнул и махнул рукой в сторону дома.

– Ладно, пойдём. Только тихо там, куда не просят – не суйтесь.

Внутри было тесно. В сенях стояли две скамьи, бочки, ящики и горшки. С полки на гостей смотрела икона Богородицы. Под ней лежали два ружья. Пол был пыльным и грязным.

– Не очень у вас тут стерильно, – резюмировал Кляйн. – Нехорошо для здоровья, очень плохо. Где пациент?

– Недалеко, – ответил гигант и крикнул: – Семенович! Тут тебе атаман врачей прислал!

Из соседней комнаты донесся высокий неровный голос:

– Какие врачи?

– Какие... Не знаю какие, один русский вроде, другой умный.

– Ну так веди их сюда!

Завернутый в дырявое одеяло больной лежал на лавке под окном. Мужчина лет сорока беспокойно ворочался и обильно потел.

– Вы откуда? – спросил он слабым голосом.

– От начальства вашего. Он просил вас осмотреть, – терпеливо ответил Кляйн. – Что беспокоит?

– Живот то крутит, то режет, – простонал Семенович. – Жрать не могу, хожу еле-еле. Как душу вынимают!

– Спокойно, спокойно. Давно болит?

– С неделю назад начало...

– Это нехорошо. – Доктор присел на край лавки. – Откройте рот.

Семенович широко раскрыл рот, демонстрируя пожелтевшие зубы. Кляйн поморщился и покачал головой:

– Совсем нехорошо...

– Чего такое? – испуганно спросил Семенович.

– Сейчас узнаем... Ефим, дай *bellenda muscatica*.

Марк не сразу понял, что запрос адресован ему: выдуманные ассистентские имена постоянно менялись. Спohватившись, он открыл сумку и протянул доктору первый попавшийся пузырек. Кляйн картинно отмахнулся и рявкнул:

– Другой, дубина ты тупая!

Марк услужливо поклонился и достал другой сосуд. Кляйн взял его, промокнул жидкостью платок и сунул его под нос больному. Тот жестоко закашлялся и скривился.

– Что ты мне своей отравой тычешь?!

– Очень плохо, что вы так закашлились. Здоровый человек это спокойно вдыхает. – Доктор поцокал языком. – У вас, к сожалению, селезенка отказывает. Нужно срочно ее спасать. Ефим, доставай инструмент.

Семенович побелел и задрожал. Даже гигант заметно напрыгся. Немец умел убедительно и пугающе выдавать фальшивые диагнозы.

Марк приступил к заключительной части своей роли. Порывшись в сумке, он достал оттуда скальпель. Семенович побледнел еще больше.

– Дурак, ты зачем мне это даешь?! Я же его не резать собираюсь! – закричал Кляйн. – Опять перед работой пил, признавайся?!

Изо всех сил изображая испуганное мужицкое раскаяние, Марк потупил взгляд и кивнул.

– Скотина безмозглая! Пшел вон отсюда, без платы останешься! Оставь сумку и жди снаружи, смотреть на тебя не могу! – Доктор оскалился и ткнул пальцем в гиганта: – Твоя помощь нужна. Ничего сложного, просто делай, что говорю.

Исполин что-то озадаченно промышчал и засуетился. Тем временем Марк вышмыгнул из дома во двор. Огляделся – улица была пустой, только собака на соседнем дворе неторопливо грызла кость. Может, это хороший знак?

Пригнувшись, Марк начал пробираться вдоль стены в сторону сарая. По старой привычке чувства обострились, дыхание стало глубоким и медленным. Цеп приятно тяжелил

карман.

Обогнув дом, вор заметил стоявшую у забора фигуру – судя по всему, это был второй охранник. Марк нырнул за удачно расположенный куст рябины и обдумал план. Скорее всего, мужик вооружен, но не ожидает нападения. Если и дальше притворяться глупым ассистентом, который не может найти отхожее место, то можно подобраться близко, а там уже как обычно. Он положил руку на цеп, приготовился и осторожно выглянул из укрытия.

Неподалеку от сарая рассеянно строгал ножом палку Андрей Корча. На нем был свежий синий кафтан, на вид дорогой. Сапоги тоже были новыми. Значит, новые хозяева платят хорошо.

Марк нервно сглотнул. Грабить знакомых воров ему еще не приходилось – сама идея казалась чем-то глубоко неправильным. Еще его пугала боевая слава Корчи. Поговаривали, что в лучшие годы он мог раскидать несколько человек со связанными руками. А хуже всего было то, что он наверняка узнает Марка даже с бородой. В прямое столкновение идти нельзя...

За забором раздался стук копыт. Вскоре что-то остановилось за забором – из куста Марк не видел, кто это. Но имел крепкие подозрения. Корча нахмурился, отложил палку и, поигрывая ножом, крикнул:

– Подсказать чего, мужики?

– Да нет, мы просто стоим, – ответил знакомый голос дво-

рового Фонтерновых.

– А здесь нельзя стоять.

– Почему это?

– Потому что нельзя. Да и пархатых здесь не любят.

– Знаешь что, уважаемый! – возмущенно заголосил

Петр. – Я буду стоять где хочу, не просто так разрешение получил...

– По-хорошему говорю, езжайте отсюда.

Корча шагнул к забору, повернувшись спиной к дому.

Лучше возможности уже не будет.

Марк выскочил из-за куста и побежал. Оказавшись у цели, он схватил край кафтана и рывком натянул его на голову старого вора. Корча зарычал, вслепую ударил ножом. Марк еле успел увернуться от лезвия, дернул кафтан на себя. Старый вор удержал равновесие и чуть не поймал Марка подсечкой.

Борьба продолжалась несколько секунд. Противники пыхтели и топтались по кругу, пытаясь повалить друг друга. В конце концов Марк все же смог достать Корчу цепом. После четвертого удара тот обмяк и повалился на землю.

Отдышавшись, Марк посмотрел на побежденного: из раны на траву уже капала кровь. Он очень надеялся, что не переусердствовал и не убил бывшего поделщика и собутыльника. Особенно теплых чувств к Корче он не испытывал, но все равно как-то грешно.

– Красиво махаешься, – отметил Петр.

Марк с опаской посмотрел в сторону дома. Признаков

беспокойства не было, с оружием никто не выбежал. Может, звуки драки там и не слышали.

– Могли бы и помочь.

– Нам не за это платят. – Еврей пожал плечами. – Да я и не люблю драться. Может, с ящиками поторопимся?

Скрежеща зубами, Марк подошел к сараю. Дверь была полуоткрытой, без замка, даже без засова. Несведущий человек посчитал бы, что у больших ценностей должна быть серьезная защита. Но любой опытный вор знал, что охранники все сделали правильно: замки привлекают лишнее внимание.

Внутри сарай был непримечательным – темным, с покрытым соломой полом. В одном углу лежали инструменты, в другом покоилась груда тряпок. Но взгляд Марка был прикован к десятку бугристых мешков у стены. Он почувствовал, как пот выступил на лбу, а сердце начало стучать быстрее. Нужно проверить. Он осторожно развязал первый мешок и заглянул внутрь.

Небольшие слитки были свалены друг на друга, как редька. Вор вытащил один, смахнул пыль рукавом, присмотрелся. Осторожно укусил. Точно серебро – или такая качественная подделка, что разница в цене будет незаметной. Перед ним действительно лежала огромная куча денег.

Марк давно не работал так вдохновенно. Мешки были тяжелыми, но он забрасывал их в телегу на бегу – Петр еле успевал ловить. Когда добыча была уложена, подельники устали друг на друга с широкими улыбками.

– Это что же, француз, – получилось у нас?

– Получилось, поляк... Теперь за твоей плавильней дело – езжайте.

Дворовой щелкнул поводьями. Лошади с заметным недомольством оторвались от пощипывания травы, фыркнули, но все же тронулись с места. Марк затащил все еще неподвижного Корчу за сарай и поторопился к карете. Он едва успел устроиться на козлах, как из дома в сопровождении гиганта вышел Кляйн.

– Значит, припарки делайте три раза в день, на чистой воде. Ест пусть супы или щи, только капусты немного. И напрягаться ему не надо, а то хуже станет. Если повезет, через пару дней на ноги встанет.

– Ага, понял. – Рядом с серьезным доктором здоровяк почему-то казался меньше. – Спасибо большое, помолимся за вас...

– Да не за что. Доброго здоровья вам.

Кляйн украдкой посмотрел на Марка – тот кивнул.

Когда они отъехали на достаточное расстояние, немец перелез из салона на козлы и вытер платком пот со лба.

– Как прошло?

Марк с наслаждением сорвал с лица бороду и бросил ее в лопухи.

– Десять пудов серебра. Все увезли. Только одна проблема: охранял их наш дорогой друг Андрей.

– Корча, что ли? Он тебя видел?

– Не думаю.

– Ну хотя бы. Остальные двое тоже странные, все со шрамами, у больного под кроватью ружье лежит. Явно не святые люди.

– Недобрая артель.

– Очень. Не хотелось бы с такими общаться.

Карета катилась по направлению к Москве. Зной начал спадать, жители Хамовников выходили на улицы и огороды, разносчики мелких товаров отправились в последний обход перед вечером. Скучавшая дома девочка вышла на дорогу и пошла гулять, широко размахивая из стороны в сторону прутиком, – ее брат говорил, что так солдаты саблями дерутся.

Прутик что-то подцепил. Девочка посмотрела за лопухами и увидела странный парик, похожий на бороду. Довольная находкой, она побежала домой – похвастаться перед матерью. Та давно хотела новую тряпку.

Под мостом

Камер-коллежский вал делил Москву на две части. Внутри было тесно, дорого и относительно благополучно. Снаружи было просторнее, дешевле и беднее.

У москвичей с валом были связаны не лучшие воспоминания. Учредили его еще при императрице Анне для сборов платежей с въезжающих в город купцов. Затем, уже при Елизавете Петровне, таможеню отменили. Место сборщиков заняли полицейские, дотошно проверявшие паспорта. А во время эпидемии вал стал границей, за которой разрешалось хоронить умерших. У застав тогда скапливались целые очереди из повозок с трупами и беженцев.

Покровская застава была небольшой, но оживленной – через нее проходили большинство приезжих с юга. Одиннадцать лет назад Василий бежал из города именно через нее. Теперь же он сидел на пне с другой стороны, рассеянно наблюдая, как мужик пытался что-то объяснить усталому солдату, тыкая пальцам в своего осла. Высоко над ними солнце медленно катилось к горизонту.

В начале своей воровской карьеры Василий боялся даже смотреть на полицейских. Ему постоянно казалось, что все вокруг знают о его грехах и вот сейчас, сейчас точно его схватят. Но со временем он понял, что порядок в России охраняют не самые умные и проницательные люди, у кото-

рых и без него много дел.

Тем вечером ему все равно было беспокойно. Пистолет и нож неприятно оттягивали карманы, в горле пересохло. По пути он попытался смыть грусть в бане и кабаке. Лучше не стало.

Из маленького деревянного дома напротив заставы вышли двое. Первым был сутулый, одетый в поношенный плащ мужчина лет пятидесяти с настороженным лицом – секретарь Дубов. За ним следовал Анвар.

Татарин был не в восторге от задания, но и не спорил. Скорее всего, надеялся, что за черную работу его будут больше уважать, а может, и наградят. Он взял секретаря за локоть и повел его к Василию.

– Здравия желаю, – с неуверенной улыбкой сказал Дубов. – Чем обязан?

– И тебе не хворать, – ответил Василий, стараясь не отводить взгляд. – Мы от атамана. Дело к тебе есть: нужно пару вещей посмотреть, хотим им цену понять.

– Слушайте, ну давайте не прямо сейчас. Приходите завтра к коллегии, я к вам выйду, все обстряпаем...

– Срочно нужно. Десятку заплатим. Пойдем?

– Ну раз срочно... – Секретарь замялся и махнул рукой: – Ладно, как тут откажешь-то. Куда идем?

– К реке, там лодка ждет.

Они свернули в переулки и двинулись на запад по грунтовыми дорожкам. Василию казалось, что идут они невыноси-

мо медленно. Ему хотелось поторопить секретаря, потащить его, если придется. Но Дубов и так выглядел нервным. Может, что-то подозревал.

Вокруг них город постепенно затихал. Возвращавшиеся с работы ремесленники и мелкие торговцы толпились у своих домов, впитывая последнее вечернее тепло и обсуждая последние новости и слухи. Кто-то выпивал, кто-то посасывал трубки. Хозяйки вывешивали сушиться белье, выносили помой и судачили о семьях и ценах на рынке.

Простых людей в Москве было пугающе много – кто-то говорил, что в городе живут уже двести тысяч душ. Большинство жили скромно, если не бедно, даже не мечтая о доходах Василия. А еще им не приходилось задумываться о неприятных вещах вроде убийства.

– А чего за вещь? – спросил Дубов. – Что-то ворованное?

– А ты как думаешь? – спросил Анвар. Выдержав паузу, татарин ухмыльнулся: – Не бойсь, там ничего страшного. Посмотришь, скажешь, чего и почему, и отпустим.

– Ну хорошо тогда. Ненадолго же?

– Наверное, нет. А что, к семье торопишься?

– Да нет, какая семья у меня... Жена померла, пока сына рожала. А он уж год как с солдатами сбежал – одежду им чинит, дуралей. Мне бы до службы отоспаться, а то нам спозаранку приходиться, не как начальству.

– Не переживай, отоспишься. – Если Анвар и ехидничал, то хорошо это скрывал. – Как тебе в коллегии работается?

Нравится?

– Как сказать. Я-то выслужился, пост не мелочный... – Дубов сокрушенно покачал головой. – Но платят все равно плохо. Раньше-то, когда я начинал, подканцеляристам вообще ни копейки не давали. Сейчас хоть что-то платят, но без вашего атамана снова пришлось бы челобитников трясти.

Пару раз свернув, они вышли к воде. Главную московскую реку постепенно заковывали в каменные набережные и мостовые. Но вдалеке от Кремля ее берега все еще были голыми и дикими, не считая большого деревянного моста.

– А где ваш товар? – спросил Дубов.

– Вон туда, под мост должны привезти. Пойдем вниз, там прохладнее.

Анвар ухмыльнулся и осторожно посмотрел на напарника – так охотник смотрит на ненадежное ружье. Василий только кивнул и огляделся по сторонам. Прохожих почти не было, полицейских тоже. Может, кто-то смотрит на них из окна, но с этим ничего не поделаешь. Лучше момента не будет.

Под мостом было темно и пахло гнилью. Раньше там, кажется, была воровская стоянка. Может, ее разогнали, может, переехала. Так или иначе, в углу ютилась только пара бездомных. Эти-то ничего не расскажут – сыщики их и слушать-то вряд ли будут. Вода громко билась об опоры. Секретарь растерянно развел руками:

– Еще не привезли или чего?

– Не знаю, может, опаздывают. – Анвар нахмурился. –

Вась, чего думаешь?

Времени больше не осталось. Василий сунул руки в карманы. Стрелять или резать? Ножом будет тише, да и порох нынче дорогой. Но он не мог подойти близко к секретарю, не мог схватить его. Руки онемели, ноги стали ватными, сердце колотилось.

С огромным усилием он посмотрел в глаза Дубову. Много морщин, маленький нос, большой лоб, уголки рта смотрят вверх. Где-то он видел похожее лицо, когда-то в детстве. У кого? Может, у портного с соседней улицы в детстве? Или у одного из друзей отца?

– Тебя как зовут? – спросил Василий.

– Меня? Павлом зовут, – удивленно ответил секретарь. – Пашей то есть. Как царевича...

– Слушай меня, Павел. Тебе нужно из города линять. Прямо сейчас, и очень быстро. Иначе ты не жилец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.